

Журнал критики и публицистики

семечки

Липецкое обозрение фантастики
зима 2002, № 18

Жизненно необходимое раздвоение личности

Помимо фэнзина, у нас иногда просыпается желание выпустить что-нибудь, слабо укладывающееся в стандартный формат журнала из-за приличного объема. Сначала для прикола была выпущена двадцатичетырехстраничное шуточное пособие за подписью "Ю.С.Торовков" «Как издать фэнзин». Как ни странно, издание вызвало небольшой шумер, и про нас даже написали в «Книжном Обзрении».

Дабы поддержать интерес к фэнзинам, фэнам и КЛФ, мы тут же отшлепали подробный справочник Евгения Харитонов «Фантастический самиздат. 1967-1999. Периодика. Сборники». Распространялся он в нагрузку к девятому номеру «Семечек» – «в нагрузку», потому что на девятое «Семечки» никто не ссылается, а вот на библиографию Харитонova ссылаются и еще долго сверяться по ней будут, ибо нет пока еще на Земле библиографического указателя по советским фэнзинам.

Но зерна будущих книжек-малолитражек были посеяны уже в том самом, девятом номере «Семечек» за 1999 год. Во-первых, на стр. 27 мы шибко горевали о малой известности Владимира Покровского, «самого недооцененного автора десятилетия»:

«Новое поколение фэнов, к сожалению, имеет весьма смутное представление об этом блестящем писателе. Стартовав в начале восьмидесятых, вместе со всеми, знаменитыми сейчас писателями-фантастами, затем он как-то отбилсь от основного потока, а потом и вовсе исчез. "Танцы мужчин". "Парикмахерские ребята". "Тысяча тяжких". Что это за вещи! Они неподражаемы, они оригинальны, они высоко эстетичны. В чем-то они непревзойденны и сейчас. То, что великолепные рассказы и повести Покровского так и не вышли авторским сборником – одна из самых печальных страниц истории фантастики в России. Новая его повесть "Планета отложенной смерти" даже не попала в номинационные списки для голосования на "Интерпрессконе-99"».

Чтобы выправить несправедливость, уже весной 2001 года в типографии был отпечатали скромненький авторский сборник Владимир Валерьевича Георгес, или одевадцативековивание». Книжку заметили, про нее написали в «Курьере SF», «Книжном Обзрении», «Питербуке», «F-хобби». Ставка на классика Четвертой волны была сделана удачно – ведь, например,

выпущенная сразу же за Покровским брошюрка рассказов С.Мякшина «Неистовая потеря себя» почему-то не вызвала такого ажиотажа.

Сейчас мы рады предложить Вам еще один плод нашего эксперимента. Продукт, выросший, кстати сказать, все из того же, девятого номера «Семечек» (прямо переломный выпуск какой-то был – кажется, именно тогда мы перешли на лазерный принтер с матричного и обзавелись электронной почтой): на последней странице

обложки одного номера было опубликовано громкое объявление о конкурсе на лучший фантастический рассказ под общей темой «Россия, XX век, космос». Прошел год, другой, тоненький ручеек рукописей наконец-то иссяк полностью, а мы пришли к двум замечательным выводам:

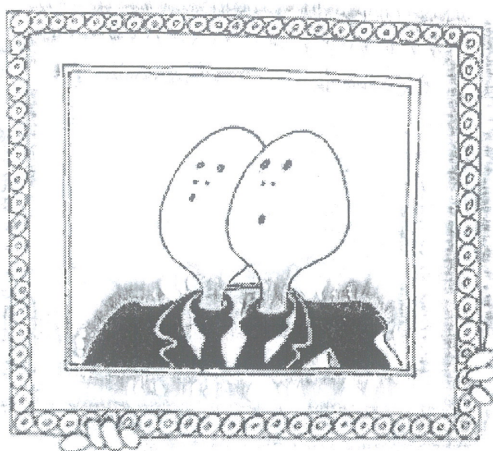
- а) фантастику о космосе все еще пишут;
- б) пишут не только о космосе, поэтому шлют все что есть под рукой – с надеждой опубликоваться хоть даже забесплатно.

Однако уровень произведений второго типа оставляет желать лучшего, поэтому мы приняли волонтеристское решение: малюсенький сборник, оставленный после жестокого отбора, разбавить двумя ранее не печатавшимися на бумаге рассказами мэтров, с их, мэтров, любезного разрешения. Спасибо за моральную поддержку Сергею Синякину из Волгограда и Александру Тюрину из Мекленбурга!

Так что читайте сборник «Зайцы на Марсе»!

Искренне Ваши,

Сергей Соболев,
Алексей Караваев.

Липецкое обозрение

Редколлегия

Сергей Соболев
(baron@lipetsk.ru)

Алексей Караваев
(zuzuk@lipetsk.ru)

Зампотех

Вольдемар Попов

КНИГИ, ФЭНЗИНЫ, РАССКАЗЫ ИЛИ ДРУГИЕ
МАТЕРИАЛЫ ПРЕЗЕНТОВАЛИ:

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРСКИЙ (Санкт-Петербург)
ВЛАДИМИР ЛАРИОНОВ (Сосновый Бор)
ВАЛЕНТИН СУВБОТИН (г.Бобров Воронежской обл.)
АЛЕКСЕЙ ШВЕДОВ (г.Татарск Новосибирской обл.)
ОЛЕГ ЛОГАЧЕВ (Новосибирск)
М.И.ТРОИЦКАЯ (г. Дубна Московской обл.)
СТЕПАН СИДОРОВ (Астрахань)

СПАСИБО БОЛЬШОЕ!

Адрес для писем:

398058, Россия, Липецк,
15 микр-он, дом 21, кв.76,
Сергею Васильевичу Соболеву

Телефон: (0742) - 41-39-12 (вечером;
спросить Сергея)

По адресу

<http://www.s3000.narod.ru/>

в рубрике «Новости» есть то, чего
нет в бумажной версии фэнзина

Редакция приветствует принцип обмена печатной продукцией

*

Если не оговорены условия
публикации присланных материалов,
редакция считает возможным
помещать Ваши статьи и фотографии
в электронном варианте фэнзина.

© СЕМЕЧКИ, 2002

Мнения критиков по поводу того или
иного художественного произведения
редакция разделять не может по той
простой причине, что всё прочесть
невозможно. Перепечатка материалов в
СМИ возможны только после разрешения,
полученного непосредственно от автора
статьи. Ссылки на "не эксклюзивность"
являются химерой экономии. Смотри
судьбу некоторых популярных нф-сайтов.

*

Тиража на всех не хватит.

В номере полно буковок (85 тыс),
рисуночков (шесть штук) и фотографий
обложек книг - немерено (17).
Номер сделан под новый год и
распечатан 31.12.2001 г.

фантастики

СЕМЕЧКИ

зима 2002, № 18

Содержание

Зернышки

Интервью

с Владимиром Покровским
«Фантастом кличут»

Вопросы задавал Георгий Петров 2

Рецензии

В.Ларионов, К.Каломенский, А.Шведов,
С.Шикарев, С.Соболев

6

Кино и книга

Владимир Ларионов
Эволюции «Планеты обезьян»

16

Кальян Каломенский
«Автокатастрофа»

18

Шелуха

Блиц-интервью

с Евгением Витковским

Вопросы задавал Сергей Соболев 19

Анатомический стол

Сергей Соболев

Еще одно зеркало эпохи 20

DOOMы о былом

Алексей Караваев

Танец как творческий метод 22

Объявления

15

24

На обложке – фрагмент триптиха
Сергея Смолеевского

«Детство, отрочество и юность Тиккирея».

В номере использованы пиктограммы, специально разработанные
для журнала Сергеем Смолеевским.

На стр. 3 использована фотография из архива редакции.

На стр. 17 – кадр из фильма (прислано Владимиром Ларионовым)

с Владимиром Покровским:

«Фантастом кличут»

Интервью взято в апреле 2001 года Георгием Петровым (Москва) для журнала «Паттерн» (смотри сайт www.pattern.narod.ru) по случаю выхода сборника Владимира Валерьевича «Георгес, или оде-вятнадцативекование». Бумажная версия журнала должна была появиться еще осенью 2000, по- том макет переделывался около полугода, да до сих пор так ни одного номера и не появилось – отличие от сетевой версии, обновляющейся ежемесячно.

Петров: Как Вы начинали писать?

Покровский: Начал писать еще в детстве, но имел еще и другие всякие таланты, поэтому решил стать актером или Эйнштейном. Они из меня вышли посредственные, поэтому пере-квалифицировался в писатели. Где-то лет в двадцать шесть-двадцать семь начал писать для развлечения друзей, тем понравилось, и я стал бомбардировать редакции своими рукописями. Рецензентам очень нравилось, по- ложительными отзывами я мог оклеить весь туалет, но с публикациями что-то не шло. Тогда я понял циничную истину – если ты пишешь хоть чуть-чуть слабее Гомера, то для публикации надо попасть в "тусовку". Я стал членом семинара молодых писателей при ССП и чуть погодя вошел в только что обра- зованный семинар молодых писателей- фантастов Москвы. И дело пошло. Правда, с очень большим скрипом. И все это время я "искал себя" на других поприщах – на самом деле, ничего такого я не искал, потому как патологически ленив. Был жутко удивлен, увидев реакцию друзей на мои рассказы, они их очень хвалили и даже придумали термин – "покровщина". Я не любитель просто так поддаваться на похвалы, никак не мог по- нять, чем это я так хорош. И лет десять потратил на то, чтобы разобраться, в чем тут фокус, пока не надоело.

Петров: А сейчас Вы не принадлежите к ка- кой-либо тусовке?

Покровский: Условно. Остались люди, кото- рые за это время стали моими друзьями. На- пример, Эдик Геворкян. Если тусовка пред- полагает постоянное общение, а именно это я и имел в виду, то вот так.

Петров: Как Вы относитесь к тому, что Вас мало публикуют сейчас отдельными книгами? И не переиздают старые вещи?

Покровский: Нормально отношусь. Я не Го- мер, поэтому нужна некая работа, чтобы пробивать свои вещи, а я ленив. Да и не уверен теперь, что так уж хорошо, что дело стоит того, чтобы пожертвовать собой ради читателей. Так что за дело меня мало пуб- ликуют и не переиздают. Каков стол, таков и стул.

Петров: Насколько значимы для Вас читатели и правильность их восприятия Ваших тек- стов?

Покровский: Очень значимы. Один великий режиссер сказал, что он пишет не для эли- ты, не для знакомых, не для народа, но для Бога. Наверное, в той или иной степени у всех художников есть такая мотивация, но у меня плюс к тому есть большая направлен- ность на читателей – я пишу, главным обра- зом, для них. Еще в юности я заметил, что, приходя на работу, стремлюсь рассказать коллегам что-нибудь новенькое – анекдот, уличное наблюдение, какую-нибудь новость... На самом деле я пишу, когда сделал для се- бя какое-нибудь открытие (какие все люди делают в течение своей жизни) и появляется желание этим открытием поделиться. Только чаще всего я почему-то эти открытия зашиф- ровываю до уровня образов. Не спрашивайте почему, сам не знаю.

Петров: Как Вы относитесь к публикациям в интернете?

Покровский: Непонятно отношусь. Если вещь сильная и к тому же продаваемая, то лучше

ее опубликовать старым казачьим способом и получить за это какие никакие, а деньги. А интернет отнимает часть читателей. С другой стороны, не думаю, что интернет-аудитория так уж велика – сегодня, если я не ошибаюсь, немногие могут комфортно читать html-тексты и все еще предпочитают бумажную продукцию. Я не обозлился и был даже рад, когда обнаружил в интернете несколько своих вещей, но когда меня попросили вывесить там, что-нибудь еще, то не знал, что ответить.

Петров: Как Вы относитесь к публикациям самиздатом?

Покровский: Отрицательно. Судя по моему опыту, самиздат хорош в куда более тоталитарных обществах типа Совка, в других случаях это чаще всего попытка реализации неудовлетворенных (и неудовлетворимых) амбиций. Слишком смешная и беспомощная компания (en masse!), чтобы к ней присоединяться.

Петров: Не пробовали ли Вы написать в соавторстве?

Покровский: Пробовал. Не получилось. Я слишком по натуре солист.

Петров: Как вообще пишете? Как рождаются идеи, герои, язык? Пишете ли Вы от руки, или печатаете на компьютере? Много ли переделываете в уже написанном?

Покровский: У меня есть своя кухня, довольно несовершенная, из-за которой, в частности, я и перестал выдавать на гора законченные вещи, но это довольно интимно и никакого нового полезного знания читателю не принесет.

Петров: К какому направлению в литературе Вы себя относите?

Покровский: Не знаю. Фантастом кличут.

Петров: В Вашем творчестве есть сильный налет сюрреализма. А повесть «Георгес» вообще является чистым сюрмом. Как Вы оцениваете сюрреалистов, причем не только от литературы, например, Луиса Бунюэля?

Покровский: Я никак не оцениваю сюрреалистов, не могу их читать помногу, устаю. Не устаю только от художников типа Дали. Некоторые называют сюрреализм "ложной многозначительностью". Для многих писателей сюрреализм – лишь период становления, для читателей, как правило, малоинтересный. Скажем, многие в юности пишут стихи. Если потом малая часть из этих поэтов начинает писать прозу, то опыт стихосложения им очень помогает чувствовать стиль, музыку речи – во всяком случае, так было у меня. То же и с сюрреализмом. Есть у меня однако некая, чисто теоретическая, идея о том, как можно сюрреализм из царства ложной многозначительности или ученического пособия для начинающих перевести в плоскость сильней. Тут ведь какая штука? Чтение сюра в небольших количествах приносит большое удовольствие, если он хорошо сделан. Он представляет собой нечто вроде приправы к основному блюду. Его, если так можно сказать, атомарную составляющую, основу можно определить как "смешение двух несмешиваемых понятий". Дадаисты, предшественники сюрреалистов, играли в такую игру: задавался вопрос – что такое "нечто"? Причем само нечто спрашиваемым не называлось, а фиксировалось спрашивающими на бумагу. Скажем, я задаю вопрос "Что такое гвоздь?". Тот кого я спрашиваю, не знает, что я имею в виду именно гвоздь, но отвечает. Скажем, так – это клуб дыма, в который превратился сторевший храм. Пример немножко неудачен и особого удовольствия ответ "Гвоздь – это клуб дыма, в который превратился сторевший храм" лично у меня не вызывает. Но на этом примере можно проиллюстрировать механизм того, как смешение несмешиваемых понятий доставляет человеку

удовольствие. Идея, сразу предупреждаю, моя, поэтому может быть неверна. Разум отказывается принять знак равенства между гвоздем и клубом дыма от сторевшего храма. Тогда в ход вступает подсознание. Оно оперирует не словами, а образами и знак равенства принимает как абсолютную истину. Остается только связать два заведомо равных понятия, найти связь между гвоздем и дымом. Начинается активный поиск путей, большинство их которых завершается тупиком. Но потом через сложные, сугубо личные ассоциативные цепочки связь между дымом и гвоздем устанавливается. Скажем, такая – гвоздь, гвозди бы делать из этих людей, что-то коммунистическое, свержение религии, превращение ее из храма во что-то горькое и эфемерное, итог – коммунисты не терпят чужих храмов. Удовольствие от такого умозаключения если и есть, то небольшое, потому что и сама мысль банальна, неглубока. Но тот, для кого эта мысль не банальна, особенно тот, для кого она пока еще не банальна и вот-вот вырвется из подсознания настоящим открытием (скажем, он никогда об этом не думал, но его личные обстоятельства к такой мысли подталкивают) воспримет сравнение между гвоздем и дымом как настоящее откровение. Я придумал – чисто теоретически – такой жанр. Скажем, пишется мейнстримовская или детективная, или фантастическая вещь, но к ней добавляется некая толика сюрреалистических утверждений, причем, обильная толика, много знаков равенства между заведомо неравными вещами. Причем здесь хорошие будут, мне кажется, не столько любовые сюры, не "медь это кровь", а более приемлемая и почти не сюрная "кровавая медь", чтобы не вызвать у читателя отторжения. Можно играть абзацами – скажем, в одном абзаце задается какой-то вопрос, пусть это будет "Что же делать?", а следующий абзац, логически с первым не связанный, не имеющий к нему никакого отношения, содержит ответ на какой-то другой вопрос. И так далее. Тогда вот эти вот сюрные знаки равенства начнут исподволь срабатывать на тех читателях, у которых мысль, заключенная в подсознании, рвется наружу и почти уже вырвалась, какой-то из них, близкий к той проблеме, которая в данный момент неосознанно мучит читателя, позволяет мысли сформироваться и приносит не только сюрреалистическое удовольствие, но и помогает читателю сделать свое собственное открытие. Тогда восхищенный читатель думает – какой же мудрый мужик этот Покровский, на какую мысль меня натолкнул! А я про эту мысль даже и не догадывался. Получается, что такая литература получает новое измерение по сравнению с обычной – она несет не только информацию, донесенную автором, но и информацию самого читателя, крайне нужную для него. Ну и еще доставляет удовольствие. Плохо только то, что эта идея так и осталась чисто теоретической. Я так ее и не стал реализовывать. Хотя она мне и нравится. Очень.

Петров: А не приходила ли к Вам мысль, что Ваша последняя повсюду использует тот метод, о котором Вы говорили?

Покровский: Я об этом действительно думал, но специально этого не делал и не считал никогда, что здесь получилось что-то подобное. Если Вам так кажется насчет метода, Вы меня радуете. Можно говорить о подсознательном следовании собственным установкам.

Петров: Что или кто Вас вдохновляет?

Покровский: Хорошие книги, хорошая музыка, личные впечатления от людей и событий, очень редко – хорошие фильмы.

Петров: А можно немного поподробнее?

Покровский: Книги. Здесь очень большой спектр, от Джойса и Фолкнера до Диккенса и Теккерея, плюс русские титаны 19-го века, исключая Тургенева и Толстого. Музыка – Бах, Бетховен, Вивальди, Шостакович. Это не то чтобы все любимые композиторы, кроме них еще много, но от музыки этих ребят порой тянет что-нибудь написать. Шостаковича, например, я совсем не понимаю и к любимым не причисляю, а вот поди ж ты! Личные впечатления. Ну, это просто личные впечатления, желание вставить кого-нибудь в сюжет, желание использовать реально бывший сюжет, переключив его потом до неузнаваемости и т. д. С фильмами сложнее – помню, что было, но какой именно фильм подействовал как литературная виагра, сказать уже не могу. Но точно наш.

Петров: Перечитываете ли Вы свои вещи? И если да, то находите ли в них что-то новое для себя, то, чего не было заметно раньше?

Покровский: Перечитываю, но редко. Нового не находил.

Петров: Есть ли у нас по Вашему мнению прогресс в фантастике и вообще литературе?

Покровский: Даже и не знаю, что сказать. Несмотря на жуткую неряшливость текстов, фантасты стали писать грамотнее, но великих имен не вижу. То есть хороший средний уровень при отсутствии высокого. То же о мейнстриме, но, может, я просто мало читаю?

Петров: Считаете ли, что фантастику можно назвать большой литературой? Или между этими двумя понятиями вообще нет различия?

Покровский: Все можно назвать высокой литературой, если она высокая. Другое дело, что есть различия между фантастикой и мейнстримом. Главное отличие – это две разных тусовки. Мейнстрим считается первой лигой, фантастика – второй. Из фантастики можно допрыгнуть до мейнстрима, мейнстримовец может снизойти до фантастики – как правило, крайне неудачно. Правильно это или нет, не знаю, но это так.

Петров: Что сейчас читаете?

Покровский: Еще с перестройки я отравился детективами. Сначала стеснялся, а потом, как завзятый алкаш, которому уже терять

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ

12

ничего, стесняться перестал. Иногда покупаю на лотке или вынимаю из шкафа что-нибудь повыше рангом, просто чтобы почувствовать разницу. Чувствуется. Но потом опять покупаю какую-нибудь дешевку, чтобы занять время в метро и по пути на работу. На работе меня считают городским сумасшедшим, потому что по дороге или во время обеда в редакционном кафе читаю на ходу всякую дрянь. Я уже и этого не стесняюсь.

Петров: А если не на ходу? Не вся же жизнь проходит в метро и на работе.

Покровский: Дома мало времени читать. Когда есть время и нет под рукой-pocketбука, ползу к книжному шкафу и долго выбираю.

Петров: Есть ли у Вас книга, которую Вы много раз перечитывали?

Покровский: Вы будете смеяться, но это Библия. Сначала я хотел сказать, что это книги детективщика Дика Френсиса, но потом подумал и понял, что больше трех раз я даже моего любимого Френсиса читать не могу. Потом подумал про Диккенса – но я как-то все не соберусь купить его собрание сочинений, поэтому насчет перечитывать здесь небольшой прокол. Но, думаю, перечитывал бы десятками раз, причем все, кроме Оливера Твиста и Новых Времен – великий художник. Собственно, и Библию я не перечитываю, я ее еще ни разу полностью не прочитал, но очень часто раскрываю, особенно Ветхий завет и кайфую. При всем при том, я не верующий. Как говорил Гайдар-junior, я агностик, то есть не знаю, есть Бог или нет, и не слишком этим вопросом интересуюсь. А вот Библию считаю действительно Великой Книгой, жутко таинственной и мудрой.

Петров: Позвольте, а «Планета, где все можно»? Возможно ли, что эту повесть написал человек, совершенно не интересующийся

этим вопросом? Или скажете, что ничего такого и в виду не имели, а все это элементы сюрра и никакого поиска?

Покровский: Ну, разумеется, я очень интересуюсь этим вопросом, сколько себя помню. Точней, с того момента, как понял, что никто мне на самом деле не доказал, что Бога нет. Я говорил, что не интересуюсь, есть Бог или нет. Скорей всего, нет. Но так сложилось, что когда мне нужно было разобраться в жизненных правилах самостоятельно, никакого Бога рядом не оказалось, пришлось самому. На этом я потерял лет десять, не меньше, а потом нужда в божественном покровительстве отпала, я стал сам по себе и уже не нуждаюсь в дяде, который следит за каждым моим шагом и подсчитывает, сколько грехов и добрых дел я совершил. Во что я точно не верю, так это в воздаяние на том свете – это, по-моему, полная чушь и разговоры в пользу бедных, чтобы они себя в рамках держали несмотря на. Не надо мне теперь небесного аудитора, Бог с ним. А вот Книга действительно великая.

Петров: Что сейчас пишете?

Покровский: Много чего, но очень понемногу – журналистика мешает.

Петров: А у Вас брали до этого интервью? Мы с Сергеем вроде не нашли...

Покровский: Когда-то очень давно, в конце восьмидесятых, сейчас уже и не помню кто брал.

Петров: Что могли бы пожелать читателям?

Покровский: Только банальности, потому промолчу – из меня плохой тамада.

Владимир Ларионов

ПРОЩАЙ, АМЕРИКА...

Мария Галина. ПРОЩАЙ, МОЙ АНГЕЛ. Повесть. "Крещатик". Международный литературно-художественный журнал. № 1 (11), 2001.

В повести Марии Галиной описывается гипотетическое настоящее, в котором мы могли пребывать сейчас, если бы...

Если бы на нашей многострадальной планете задолго до появления людей не утвердилась древняя цивилизация грандов или мажоров (от латинских слов *grandis* – большой, важный и *major* – больший), произошедшая от древнеавстралийских шестиплавниковых рыб. Обоюполюе позвоночные, да еще с крыльями (теперь, правда, рудиментарными), размножающиеся чем-то вроде почкования, они и дальше бы жили в уютной Австралии, но губительная пандемия, выкосившая почти всю их популяцию, заставила мажоров искать убежища на других континентах. Сведения о происхождении, анатомии мажоров, историю их внедрения в человеческое общество автор выдаёт исподволь, вкрапляя информацию в текст мелкими порциями (это несколько утомляет, но одновременно и интригует читателя). Намного более развитые в техническом отношении гранды, успевшие "в незапамятные времена перебраться через воду, были достаточно могущественны, чтобы прижать примитивное человечество к ногтю. Или, по крайней мере, занять внутри него ключевые позиции". Действие повести происходит во времена, примерно соответствующие нашим дням, в столице Евразийского союза (объединиться Европе и Азии, естественно, помогли мажоры) городе Киеве. Людей в этом государстве держат под неусыпным контролем, искусственно сдерживается увеличение численности людского населения, так как практически запрещены антибиотики (кстати, на мажоров пенициллин действует подобно

наркотику), строго лицензируются научные исследования, производимые людьми, индивидуумы с низким ИТ (индексом толерантности) лишены возможности сделать карьеру, их держат от грандов подальше. Что-то знакомое, не правда ли? В мире существуют и другие страны: хорошая Америка, в которой гранды более демократичны, соответственно – люди более свободны; плохой Китай – там люди, загнанные в резервации, производят какие-то "изделия народного творчества".

Рассказ ведется от лица Пьера-Олеся Воропаева, сотрудника Технологического Центра мажоров. Леся его жизнь вполне устраивает, но в силу обстоятельств, он, вовлеченный в самую гущу событий, оказывается чуть ли не в первых рядах борцов с режимом грандов. Кстати, Воропаев в тайне от мажора-начальника занимается моделированием альтернативной истории, составляет программу возможного развития человечества в отсутствие вмешательства свалившегося ему (человечеству) на голову иного разумного вида... Для объективности хочу отметить, что для части человеческого населения Евразийского союза гранды не только начальники и хозяева, но и что-то вроде старших братьев, ангелов-хранителей. Тем паче, что у них и в самом деле есть крылья. "...Спустились с неба на своих аэростатах... И помогли отбить нашествие, помогли построить панцирные машины, и зеркала и катапульты... Неудивительно, что мы им покорились – сами просили, чтобы взяли наши земли под крыло...". Не могу удержаться и не вспомнить сэра Артура Кларка. Помните, как выглядели в его известном романе "Конец детства" могучие и добрые крылатые Сверхправители? Да-да, у тех, помимо крыльев, рожки и хвосты налицествовали ☺. Гранды-то явно симпатичнее (по крайней мере, снаружи).

Несколько веков, благодаря техническому превосходству мажоры держат верх в своеобразном межвидовом соперничестве, но люди, традиционно считавшиеся неспособными к работе со сложной аппаратурой и механизмами,

оказываются более гибкими. Эпоха технологического бума приводит к тому, что технически развитая, но застывшая в своём культурном развитии цивилизация грандов начинает сдавать свои позиции. "Обезьянки", так полупрезрительно мажоры называют людей, быстрее обучаются и осваивают новое. К тому же, в кланах грандов нет одинодушия. Были среди них и такие, что "мятеж Пугачёвский в крови потопили", а были и народники, людские заступники. Есть они и сейчас – например, молодой мажор Себастиан, искренне пытающийся помочь людям, но мало что понимающий в сложившейся обстановке. А ситуация такова: родитель Себастиана Аскольд – гранд из правящей верхушки, видя, что человечество жизнеспособнее, что люди постепенно выходят из-под контроля мажоров, становятся опасными, пытается совершить государственный переворот и установить тоталитарный режим, загнав людей в "изолированные коллективы". Для этого он, используя группу фанатиков-диссидентов из людей, взрывает торговый центр, посещаемый в основном мажорами и занимающий целый квартал. Подобные акции планируются и в других губернских городах: Париже, Берлине, Константинополе. Но не только Аскольд строит грандиозные планы, далеко идущие замыслы есть и у других героев повести – один из знакомых Леся, Адам Шевчук, люто ненавидящий грандов, уже лет двадцать экспериментирует с голубями, пытаясь возродить смертельный для мажоров вирус. Ладно, не буду раскрывать все хитросплетения сюжета...

События, очень похожие на описанные в повести Марии Галиной, но, к сожалению, значительно более страшные, произошли в нашей реальной жизни почти сразу после выхода одиннадцатого номера международного журнала "Крещатик", где был опубликован "Прощай, мой ангел". Похожи они своей внешней стороной (мощные взрывы с множеством жертв, злонамеренное распространение возбудителей смертоносных инфекций), но никак ни подоплёкой. Кровавый террористический акт устроил отнюдь не испугавшийся потерять власть Аскольд, живо напоминающий мне члена всесильного когда-то Политбюро ЦК КПСС. Да и прогремели реальные взрывы как раз именно в той "самой свободной" и очень пекущейся о свободе других Америке, вскормившей режим талибов в Афганистане, где нашли убежище исламские террористы. В повести только Америка, с её гуманными грандами – единственная надежда интеллигента Олеса Воропаева на спасение, именно в американское посольство Лесь передаёт с помощью Себастиана магнитную запись тайных переговоров о сотрудничестве Аскольда с террористами. Но спасать страну ему всё-таки придется самому, без помощи хороших мажоров, как отечественных, так и американских. Спасать страну для людей и вместе людьми – добрыми и злыми, талантливыми и недалёкими, сильными и слабыми. С такими, какие есть... Мне кажется, Лесь начинает это понимать...

Сергей Соболев

Союз физиков и лириков в одном отдельно взятом лице

Алан Лайтман. Сны Эйнштейна. Друг Бенито: Романы: Пер. с англ. – М. АСТ. 2001. 267 с. (Мастера. Современная проза). 5 т.э.

Алан Лайтман – ученый-физик, работает в престижном Массачусетском Технологическом Институте и преподаёт там две, казалось бы, несовместимые дисциплины: физику и литературную стилистику. Еще Шкловский говорил, что у писателя должна быть настоящая профессия, через призму которой будет преломляться окружающий мир. Книжка Лайтмана в таком случае – очень показательный, положительный пример влияния профессии на художественный текст, так как первый роман сборника целиком построен на вольном изложении, интерпретации некоторых физических концепций, а роман второй – словно списан из жизни ученых.

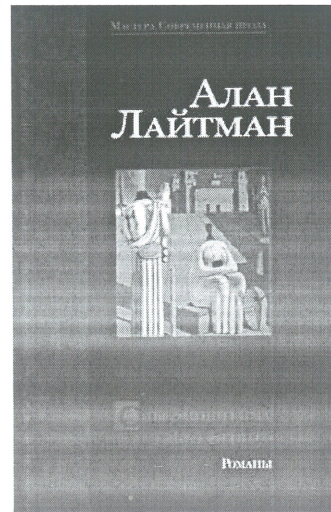
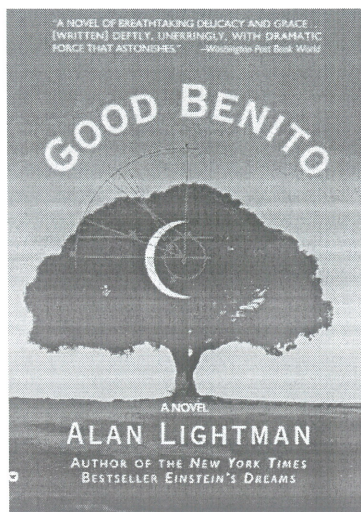
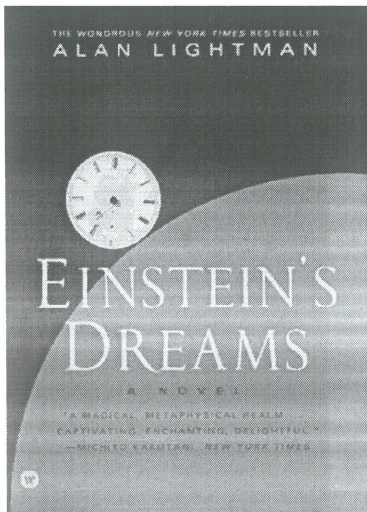
Конечно, «Сны Эйнштейна» – это не роман и не повесть в классическом смысле слова, а сборник сюжетных моделей различного восприятия времени представителями разных культур. Как будут вести себя люди в мире, где причинно-следственная связь не имеет значения? Как будет устроен мир, где каждый день повторяется снова и снова? Возможно ли жизнь на планете, где времени вообще нет ни под каким соусом или оно остановилось? Как начнет развиваться цивилизация, если каждый час будет иметь собственную протяженность? А если время потечет вспять, какую прибыль можно из этого извлечь?

Если нормально отвечать на все эти заковыристые вопросы, получится любопытная научно-популярная книжка о детерминизме темпорального восприятия, с необходимыми формулами и схемами. Лайтман пошел своей дорогой и описал все это в виде лаконичных художественных зарисовок, пейзажей «с натуры», делая доступным восприятию сложные идеи.

Один из описанных вариантов нелинейного, закольцованного, течения времени уже проэксплуатирован в массовой культуре: кинофильмы «День Сурка», «Зеркало для героя», роман А.Столярова «Монахи под луной», но оставшаяся дюжина вариантов настолько необычна, что даже у современных фантастов тяжело найти подобающие им аналогии. Сюжеты еще ждут своего художника.

В романе «Друг Бенито» Алан Лайтман пристально, словно под микроскопом, рассматривает продольный срез жизни Беннета Ланга, одного физика-теоретика, выросшего в послевоенной Америке. Взгляд писателя скользит по стеблю жизни профессора от зрелых лет – к студенческой юности, от детских увлечений техникой – к увлечению первой женщиной, и т.д. Наиболее интересные листья жизни Лайтман пересказывает читателям, остальное – не входит в поле зрения писателя, да так и пропадает за пределами видимости. Писатель – профессиональный физик, и он знает о чем пишет.

Наверное, это даже полуавтобиографический роман о своем поколении, о своей научной субкультуре – рассказ о том, как мальчик, увлекавшийся в детстве всякими физическими опытами, мастерил радиоприборы, самодельные ракеты и т.п., а потом поступил в колледж и «заболел» теоретической физикой.

Может, станет немного понятным из романа, почему американские подростки, пережив нервную апокалипсическую депрессию с перманентным ожиданием атомной войны времен Карибского кризиса, чуть повзрослев, кинулись в студенческих кампусах оттягиваться на марихуане. Впрочем, наш герой одержим только одной идеей: познать окружающий мир. Рассчитать движение разнокалиберных звезд в скоплении – вот высший кайф для молодого ученого. Физики работают как одержимые, у них тоже понедельник начинается в субботу: «Любой профессиональный физик моложе сорока лет наукой дышит и наукой питается. После сорока теорфизик может себе позволить немножко двигаться по инерции и завести хобби или проводить время с семьей». Вся жизнь Бенито – это череда тихих математических расчетов и молчаливых открытий, смысл которых способны оценить несколько сотен человек на всей планете, и которым наверняка не найдется практического применения в ближайшие сто лет. Все радости Бенито – это радости познания, все огорчения – от ошибок в расчетах. Все у него выверено по логическим схемам, все идет как по расписанию, но только не в личной жизни. «Слова неоднозначны, только математические формулы точны». Беннету трудно найти общий язык с людьми. Друзья остались далеко в детстве, а сейчас его верные товарищи – стопка листов бумаги и компьютер. Но любовь плохо поддается матаанализу, а чувства – формализации, поэтому в поздно начавшейся личной жизни все идет у него наперекосяк и шиворот-навыворот. Отчаявшаяся жена пытается покончить с собой, лишь бы муж хоть чуточку уделял ей внимание, а не занимался целыми днями чистой наукой. «Говорят, что музыканты самый циничный народ» пел ЧИЖ. Физики тоже.

Сергей Соболев

Завтра будет хуже чем вчера.

Евгений Прошкин «Механика вечности»: роман. – М. ЭКСМО. 2001. 12 т.э., 416 стр. (серия «Абсолютное оружие»). (переплет) ISBN 5-04-007428-X. Обложка: В.Нартов.

Казалось бы, сюжет избит еще в позапрошлом веке: отправиться в прошлое и изменить там самую малость, дабы в своем настоящем пожать плоды безапелляционного вмешательства в ход истории. Есть машинка времени, есть куча амбиций по переустройству Времени под свою мерку, и нет никаких ограничений: Вселенная не перевернется вверх дном как скороварка и Земля не налетит на небесную ось, если начинающий писатель издаст бестселлер лет на десять раньше срока. Именно с таким предложением подкапывает к герою книги его альтер-эго из недалекого будущего. Параллельно молоденькая девушка горит желанием спасти мать от девинства, а еще один типчик хочет себя-сироту пристроить в нормальную семью. В результате бредберевская бабочка и рядом не валялась. Куда ей, чешуекрылой! Под сапогами хронопутешественников как-то сами собой гибнут люди – пачками, города – десятками (и не иначе как от атомных бомб, меньшие угрозы нам уже не интересны), а некоторые страны и вовсе прекращают скорбное существование свое под дулами вражеских танков (причем врага державы Е.Прошкин окончательно так и не определил, называя в качестве такового то миротворческие силы ООН вкупе с оккупационной армией НАТО, то и «зеленых братьев» с Ближнего Востока, а то и вовсе – Китай. [Читайт сценарий «Оккупация» А.Столярова, там обо всем этом всерьез и подробнее]).

В романе напрочь отсутствуют какие-либо рефлексии по поводу ответственности хронопутешественника за вмешательство в ход истории: сама череда негативных Будущих как нельзя лучше иллюстрирует тезис о вреде всякого вмешательства.

ГЕОРГЕС

или
ОДЕВ ЯТНАДЦАТИВЕКОВИВАНИЕ

Владимир
Покровский

Ни автору, ни героям шевелить серой извилиной некогда – проносишься по роману как в болиде по скоростной обледенелой трассе. «Если быстро бежать, можно увидеть собственную спину» – персонажи романа то и дело натываются на собственные следы, получают тумачи и оплеухи от своих двойников из недалекого будущего.

В книге практически нет рассуждений об изменчивости человеческой натуры: один и тот же человек в разных обстоятельствах оказывается то коммерсантом-нуворишем, то высокопоставленным сановником на службе оккупационного режима, а то и вовсе – писателем-патриотом. Наверняка в каждом человеке сидят зерна и того и другого и третьего, была бы только благодатная почва для произрастания той или иной личины, но наш герой неизменно бросается в Прошлое, чтобы подкорректировать события как-нибудь иначе. Ну не нравится ему ни один вариант: если себе хорошо, то стране плохо, а если себе плохо – то стране и вовсе кажут.

Сентиментальные струнки (чуть не написал «слюнки») появляются где-то на задворках сюжета ближе к финалу и почти никак не влияют на его дальнейшее развитие – право слово, не было никакой необходимости приплетать к метаниям героя по параллельным временам призрачную надежду спасти мало-знакомую девушку в далеком 2038 году, если любое хронопутешествие влечет неизгладимые перестановки в обществе и стране уже буквально через несколько лет.

Странное дело, в книге вообще ничего нет, кроме чистого четырехсотстраничного приключения, но именно кинематографичность держит читателя от первой и до последней страницы: никогда не предугадаешь, какой фортель выкинут радетели за благо Измененного Будущего. Спасает роман безумный драйв в ритме современных посттарантиновских боевиков, а само чтение в этом случае напоминает процесс стремительного падения в санях на американских горках: разглядывать пейзажи некогда, в седле б удержаться.

А для любителей спокойно обозревать просторы в арсенале НФ-луна-парка есть колесо обозрения.

Теперь по обложке. Трехосный драндулет действительно взят из книги – именно так он и описан, с идиотской вертикальной газоотводной трубой. Тем не менее бульдозерный нож, нарисованный художником, не способен срезать земляные завалы на пути следования этого транспортного средства: нож раза в два уже колеи этого «лунного трактора». Писатель-неудачник, что сидит на холодных бетонных ступеньках в ожидании геморроя – наверняка и есть главный персонаж. Только в книге у него две старенькие трехдюймовые дискетки. Художник одну где-то зажил, и нарисовал только одну. Зато – лазерную, мегабайт эдак на 700.

Вот и в романе Е.Прошкина: ждешь приключений в духе «Патруля Времени» Пола Андерсона или «Конца Вечности» Айзека Азимова, а получаешь раз в сто больше.

Сергей Соболев

За бабочками. С автоматом наперевес.

Владимир Марышев. Повет валькирий: роман. – М. АСТ. 2001. 286 стр. («Звездный лабиринт-мини», вып. 13) обложка. 15 т.э. ISBN 5-17-009883-9

В далеком-предалеком двадцать втором веке жили-были люди и разумные роботы. И приспичило людям над теми роботами измываться: то на ракете прямехонько в Солнечное пекло пошлют без обратного билета, то к звездам неизвестным отправят, а топлива на обратную дорожку насыпать позабудут. Короче, обращались со своими братьями меньшими, как С.П.Королев со Стрелкой и Белкой на заре космонавтики. Не вытерпели роботы измывательств, устроили акцию тихого неповиновения: чтобы люди ни приказывали, роботы ничегошеньки не выполняли, как будто не венец творения им указывает, а мухи надоедливые докучают. Не стерпели люди, что с мухами их сравнили, и пошли крушить ненавистных разумных роботов, приго-

варивая: «Мы вас породили, мы вас и порушим», и «Двум разумным видам на одной планете делить нечего».

Конспективно изложенная прическазка кончается неожиданно и так же неожиданно начинается беготня по чужой планете.

Имеется неизвестная, только что открытая планета Оливия, которую необходимо исследовать и вынести вердикт на предмет рациональности или бессмысленности дальнейшей колонизации под людское жительство-бытие. Причем, как выясняется ближе к финалу, в свободном пространстве человечество уже пару веков как не нуждается (пищу, материалы и сырье уже научились синтезировать из водорода) энергетический кризис ловко миновали, а летают в космос дальний исключительно ради любопытства. Что ж, не самая последняя мотивация, но каким-то странным способом утоляют свою жажду познания наши далекие потомки. Перво-наперво, оседлав десяток быстроходных танков на гравитационной подушке, они едут за пару сотен километров куда-то через материк, попутно давая растения, грибы (особенно автору почему-то жалче всего именно необъятные грибные поля), разноцветную живность, гигантских насекомых и сжигая лазерами труднообъезжаемые препятствия. «Стоило компьютеру самоходки принять решение об обороне подопечных, как из корпуса выдвигалась вертящаяся башенка с торчащими из нее стволами смертоносных систем – от лазера до установки, выбрасывающей струю сжатой силовым полем всесжигающей плазмы. Выбор оружия, наиболее эффективного в конкретных условиях, занимал доли секунды. Затем самоходка открывала огонь, и не было случая, чтобы она промахнулась». Ученые потом по кучке пепла и горстке золы разберутся, не впервой. Квалификация, например, биологов в этом исследовательском отряде зависит от остроты зрения: кто быстрее увидит какую-нибудь чудную зверушку, тот и молодец. Остатки танковой колонны, выскакивают на каменные десантники, и начинают ловить чешуйчатого лемура с ежовыми колючками.

Объяснение такому варварству автор дает следующее. Дескать, был бунт роботов (см. начало), людям пришлось его долго усмирять, а после победы ввести ограничения на развитие систем искусственного интеллекта.

Служба Безопасности, занимавшаяся на Земле-матушке отловом взбесившихся роботов, постепенно переквалифицировалась в космических десантников, и оттачивает мастерство свое на инопланетных чудесах – авось когда-нибудь умения пригодятся! «Хочешь мира – улучшай военно-политическую и огневую подготовку», как говорил римский патриций Клим Ворошилов. Долгие страницы повествования уделены подробному описанию быта десантников: тренировки по рукопашному бою, теоретические занятия, бесхитростные развлечения и воспоминания о земных похождениях в отпуске...

Две сюжетные линии романа неожиданно сходятся воедино: оказывается, чудесных зверушек, с которыми никак не могут разобратся горе-ученые, сотню лет назад сотворил на Оливии земной робот, сбежавший от двуногих разрушителей во времена Второй

луддитской кампании. Но наказание не бывает неотвратимым.

Особенно если это наказание за излишнюю разумность.

Владимир Ларионов

Томассон в зеркальных очках

Уильям Гибсон. Виртуальный свет: Роман. Пер. с англ. М.Пчелинцева. – СПб., Азбука. Екатеринбург, У-Фактория. 2001. 464 стр. (Библиотека стилей) 10 т.э.

Курьеры – любимая фишка Гибсона (вспомним культовый рассказ «Джонни-мнемоник» и снятый по нему одноименный фильм режиссёра Роберта Лонго с Киану Ривзом в главной роли). В романе «Виртуальный свет» рассыльная Шеветта-Мари Вашингтон, работающая в компании «Объединённая курьерская», украла у другого курьера каскету-очки с особой ценной информацией. Футляр с носителем девушка стащила просто так, назло засранцу, «проспиритовавшемуся, как двухголовый младенец в Кунсткамере», приставшему к ней на великосветской вечеринке в отеле «Моррис», на которую курьерша попала абсолютно случайно. Противный тип оказался её высокооплачиваемым коллегой, работающим на международную корпорацию «Санфлауэр», а Шеветта, став обладательницей ВС-очков за получила вместе с ними массу приключений на свою симпатичную задницу.

Кстати, ВС («виртуальный свет») – супертехнология воздействия непосредственно на зрительные нервы с помощью электромагнитных излучателей, установленных в оправе и линзах очков – здесь не только название книги, но и один из признаков, по которому данный роман позиционируют, как «киберпанковский». Известно, что без черных очков – киберпанк не киберпанк: Гибсон, Стерлинг, Бир и другие представители «нового движения» когда-то называли себя «писателями в зеркальных очках», Брюс Стерлинг в 1986 году выпустил программную антологию киберпанка под названием «Зеркальные очки», чёрные очки – непременный атрибут экипировки поголовно всех персонажей популярного фильма «Матрица», с обложки книги «Виртуальный свет» нам усмехается дама в зеркальных очках...

Лично я предпочитаю киберпанк в кино. «Бегущий по лезвию бритвы», «Матрица», «Странные дни», «Джонни-мнемоник», «Нирвана» – мои любимые фильмы. По-моему, «Виртуальный свет» так и просится на экран, это безусловно «киногеничное произведение», кино изначально присутствует в романе – персонажи Гибсона довольно часто спорят о фильмах и кинозвездах, на вооружении у полиции в романе – специальная компьютерная программа для розыска пропавших «Двойник», использующая сходство физиономий разыскиваемых с лицами знаменитостей. Уверен, что книгу непременно когда-нибудь экранизируют, хотелось бы только,

чтобы это было сделано адекватно, грамотным постановщиком (хотя бы на уровне фильма «Отель «Новая Роза», снятого в 1997 году режиссёром Абелем Феррарой по рассказу того же Гибсона).

Но вернемся к роману. Как вы уже наверняка догадались, далее начинается охота владельцев информации за злополучными очками и незадачливой Шеветтой. Девушке помогает бывший полицейский, неудачник Берри Райделл – большой любитель постоянно попадать в трагикомические ситуации. Двое невезучих оказались вместе – ясен пень, впереди их ждёт большая удача! Книга хороша не лихо закрученным сюжетом, а умением автора (тут, безусловно, надо отметить мастерство переводчика Михаила Пчелинцева) погрузить читателя в кошмарно-реальную атмосферу недалёкого будущего. Роман напицкан «вкусными» деталями, делающими повествование почти документально достоверным. Грузовики, работающие на растительном масле и воняющие жареной курицей, контрацептивы из субклеточной автоматики, похожие на медуз, велосипеды из прессованной бумаги с ругающимися охранными системами, самосклеивающиеся пластиковые наручники, миниатюрные беспилотные вертолёты огневой поддержки...

На периферии основного действия постоянно крутятся персонажи с русскими фамилиями, русских эмигрантов полно в полиции и секретных службах («...У них же там было целое полицейское государство. Привыкли, поднабрались, в гены небось впиталось»), славянский стриптиз гоняют по TV, российским оружием, небезопасным, но зато «простым, дешёвым и эффективным» заполнен чёрный рынок. Гибсон даже прошелся по экономике светлой памяти Советского Союза, рассказав нам анекдот про наш же завод, беспрерывно выпускавший непрозрачные солнцезащитные очки (вот, снова чёрные очки, а я что говорил!). Охотно верю, что завод, подобный этому, в СССР действительно был, и не один. Все эти квазироссийские примочки придают роману в глазах отечественного читателя дополнительный шарм.

Одна из самых замечательных находок Гибсона – понятие «томассон», обозначающее

беспольные, бессмысленные явления и предметы. «Исходный Томассон был игроком в бейсбол. Американец, очень сильный и красивый. В 1982 году он перешёл в «Йомиури Джайантс», за огромные деньги. Вскоре выяснилось, что он не может попасть битой по мячу». Образец великолепного томассона в романе – разрушенный сокрушительным землетрясением стальной мост «Голден Гейт» между Сан-Франциско и Оклендом. От оснований опор до вантов мост облеплен сооруженными из подручных средств лацугами, в которых клянутся изгой и отбросы общества (где-то здесь, у самой верхушки устоев обитает и Шеветта, которую приютит местный старожил Скиннер, один из первопоселенцев моста). Маргиналы и деклассированные элементы захватили мост, «на котором кончилась современность», они основали там свой несанкционированный мир и живут в нём по особым правилам. «Убежище, дикое, странное, но – убежище, где можно лечь и уснуть, единственный приют бесчисленных людей и их бесчисленных снов».

Если мир населён живыми людьми и очень им нужен, то это уже не томассон.

Другие рецензии на эту книгу:

Варвара Смурова «Трип по несуществующим местам, или Молочные эксперименты Уильяма Гибсона» // Ex Libris НГ от 01.10.2001, с.2 - № 37 (209).

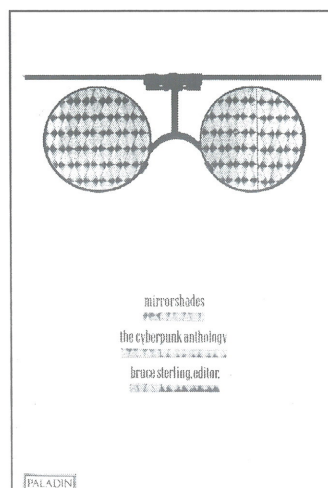
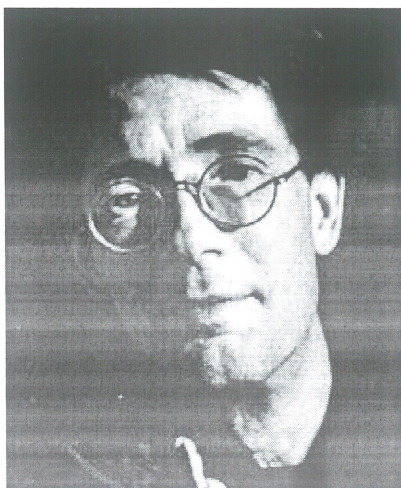
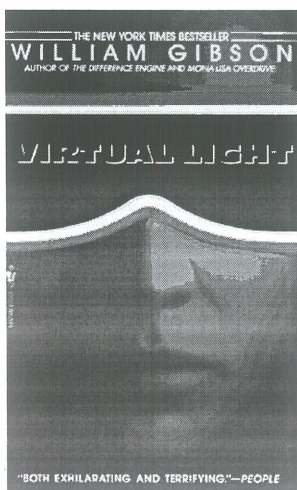
Елена Венгерская «Мы все живем в мире по Гибсону» // газ. «Книжная витрина» от 26 сент.- 3 окт. 2001. № 19-20. С.5.

Сергей Некрасов «Хиппи-энд на обочине» // Если № 11, 2001, с.289-291.

Василий Владимирский «Путь побежденных» // Питерbook № 11, 2001, с.52; др. вар.: «Путем побежденных» // «Домашний компьютер» № 10 за 2001 (<http://www.homepc.ru/offline/2001/64/13714/>).

Сергей Бережной «Виртуальность в очках» // авторский сайт «Взгляд из дюзы» www.barros.rusf.ru

Кальян Каломенский

Владимир Покровский «Георгес или одевятнадцативековивание». Липецк. «Крот». 2001. (Паттерн-1).

Удивительно, исключительно, но факт: для Владимира Покровского – одного из наиболее выдающихся, оригинальных и самобытных представителей «Четвертой волны» отечественной фантастики, «выпускника» семинара в Малеевке, публикующегося еще с 70-х годов, это всего лишь вторая авторская книга. В советское время это не было слишком большой странностью. Ведь многие писатели, в том числе и Покровский, печатались в журналах и сборниках. Но в 90-е годы, особенно во второй их половине практически все известные до этого авторы успели обзавестись авторскими книгами, причем как новыми, так и переизданиями. Покровского это обошло. Лишь в 98-м АСТ выпустило его книгу «Планета отложенной смерти». Но ее ждала коммерческая неудача. Тираж до сих пор лежит нераспроданным на книжных развалах. Еще одна заявленная АСТ книга Покровского приказала долго жить из-за неудачи первой. На этом пока и закончился опыт издания книг Покровского. Но там, где не хотят работать коммерческие гиганты, появляются юркие энтузиасты – и вот перед нами малотиражное, мягкообложное, самиздатовское так сказать издание.

В книгу вошли две повести, рассказ и небольшая статья об авторе с его же библиографией.

Давшая название сборнику повесть «Георгес или одевятнадцативековивание» является, наверное, самой неожиданной. В творчестве Покровского вообще достаточно часто мелькали сюрреалистические нотки (как сказал Сергей Соболев: «к произведениям Покровского иллюстрации делают либо сюрреалистические, либо вовсе не делают», здесь есть повод сделать самые сюрреалистические иллюстрации, но они отсутствуют), но в этой повести они стали доминирующими. Повесть начинается с такого эпизода, понять который, не прочитав всего текста, практически невозможно. На этом же эпизоде и

проверяется потенциальный читатель, проверяется его желание и возможность прочесть текст. Эпизод этот самый насыщенный, он дает конспект всей повести, перегружая читателя. Мы в первом же абзаце знакомимся с четырьмя главными персонажами повести, а, по сути, и практически единственными, не считая Георгеса. Мы знакомимся и с их межличностными отношениями. И мы даже не понимаем, о чем идет речь, серьезно ли говорит нам автор или нет. Издеваются ли герои друг над другом, или действуют так, как считают вполне подходящим случаем.

«Почти каждый день, обычно ближе к полудню, когда все разбегаются по базам и заказам, а я остаюсь в одиночестве, я звоню Вере. Всегда подходит И. В. Валентин – никогда. Его будто не существует.

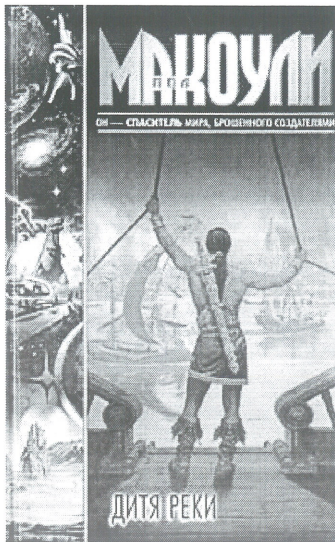
– Веры нет, она умерла, – вежливо информирует И.В.»

Что дальше? Главная героиня умерла? А о ком же повесть? О главном герое и о главной героине. Но тогда это будет сплошной флэшбэк? Совсем нет. Тогда что? Георгес. Но флэшбэки все же будут? Ну, наверно, будут, но не только они.

На второй уже странице мы узнаем о страхах тещи. Это страхи о группешнике. Они медленно переходят с нее на других персонажей, заполняют атмосферу повести, пытаются даже превратиться в реальность. Но только с помощью Георгеса.

Георгес – так герои любовно называют книгу со следующей надписью на обложке: Георгес Симьонъ «Разледования комиссара Мьгрета» с иллюстрациями французского художника Эжена Делобра. Как видно, здесь иллюстрации уже есть, но они только подразумеваются, так и многие другие вещи в текстах Покровского только подразумеваются. Читатель сам должен их домыслить. В рецензии на «Планету отложенной смерти» Сергей Соболев писал, что Покровский только мельком упоминает различные термины, создает неологизмы, значение которых легко угадываемо, но только в общих чертах, а сам автор не дает подробных определений, не перегружая тем самым и так насыщенный текст. В Георгесе также подразумеваются иллюстрации. Они вытекают из каждого

измененного, одеявнатнадцативековивованного Георгесом предмета, будь то такие мелочи как ковер, женская прическа, женские же соски или же вещи более серьезные, например, идеология или даже человеческая жизнь. Георгес – это катализатор всего, но его сила представляется исключительно деструктивной, даже самодеструктивной, что и губит его, а за ним и всех героев, им созданных.

Само слово «одеявнатнадцативековивание» звучит немного устарело. Хотя оно и выскакивает случайно из уст одного из персонажей, возможно, что реально несуществующего, оно достоверно, оно несмотря на свою устарелость, даже как раз благодаря ей идеально вписывается в атмосферу ушедшего 19-го века, оплаканного и забытого. Но сначала-то хочется сказать «одеявнатцативекование»!

Все познается в сравнении, так и мы узнаем, насколько скуден и убог наш сегодняшний мир, когда видим, как герои повести сталкиваются с этой разницей, с этим примитивом после того как они побывали уже в другом мире, мире девятнадцатого века. Вся тамошняя обыденность кажется нам пусть и приукрашенной, но обыденностью, но когда мы теряем ее, только тогда и начинаем ценить ее по настоящему. Но мы уже не в силах вернуть ее, мы сидим у разбитого корыта.

Интересно наблюдать, как Покровский вводит Покровку в свои тексты. Ненавязчиво, но все же заметно. То в «Допинг-контроле» герои проехали где-то там поблизости, то в «Георгесе» книгу там издали. Каждый автор вносит что-то свое, иногда это заметно читателям, иногда только близким ему людям, а иногда только ему самому.

Повесть «Планета, где все можно» на вид более типичная для Владимира Покровского. Антураж здесь очень напоминает «Планету отложенной смерти»: те же вегикелы, те же интеллаторные. Но нет здесь совсем куафиров, нет причесов, нет проблем с этим со всем связанным. Совершенно другая проблематика. Сначала кажется, что проблема отцов и детей. Это ведь любящий сын хочет подарить своему отцу, бывшему пилоту, ко-

торого он нечаянно может и побить, старый вегикел, чтобы тот мог колесить на нем по пространству. Подарок этот трогателен, к тому же он не так прост, чтобы быть легальным. Значит, надо использовать какие-то связи, чтобы обойти закон или даже нарушить его самым грубым образом. И еще до конца не ясно: как же отреагирует на этот подарок отец? Может, он его и не заметит?

Но есть и другая проблематика. Старые отставные пилоты рассказывают о Планете, Где Все Можно. А возможна ли такая планета? И если возможна, то что она такое есть? Что на ней действительно можно, если все можно? Действительно ли все? А, значит, есть и планета, где все нельзя. Если все-таки есть такая планета, значит, можно на нее попасть, а там все можно. Кто мог создать такую планету? Либо Бог, либо Странник (от слова «странный», то есть непонятный). И тот и другой пишется здесь с большой буквы. Иначе и быть не может. Ведь если Странник создал такую планету, значит, он и есть Бог. Но не все так просто. Далеко не всем героям повести открывается ответ на этот вопрос.

Тут и еще одна диалектика имеется. Встречается как-то комсомолец со Странником и говорит... Нет, это Странник ему говорит, а тот отвечает. Или нет? Ну, в общем, очень смешно. И так вот вся наша жизнь. Этот анекдот герои рассказывают на страницах повести десятки раз. Можно отнести это на склероз самих героев, можно на дотошность автора или на его настырность повторять одну и ту же шутку из раза в раз. А можно ведь и понять по другому: герои побывали на Планете, Где Все Можно, или не побывали? Или они там Бога встретили, или Странника? Или наоборот? Ну, в общем, очень смешно. И так вот вся наша жизнь. В непонятках.

Ставится тут и библейский вопрос о предательстве Бога, или если угодно, Странника. И показывается, как этому предателю, мстят за это самое предательство, а самое главное – кто мстит. Ведь не Бог мстит, даже не Странник, а простые люди, праведники.

Есть тут и различие в двух разных диалогах с Богом, к нему можно обращаться О`Ты, а ведь можно и О`Вы. Бог сам говорит, как его стоит звать, но только тем, у кого хватает глупости задать этот вопрос. Рассказывают, что католические миссионеры в некоторых африканских племенах сталкивались со следующей проблемой: когда они рассказывали вождям племен о Боге, о том, что с ним можно говорить на Ты, они падали в обморок, возможно даже умирали от разрыва сердца. Почему же? Это те самые могучие вожди? Простите, не поверю. А все оказывалось просто: этим самым вождям во время инициации рассказывали о том самом Едином Боге, но рассказывали не для того, чтобы потом этому Богу можно было поклоняться, а для того, чтобы они знали, что такой есть, но даже и думать о нем боялись. Это были пережитки древнего монотеизма. Абсолютный запрет. А миссионер сам того не зная не открывал истину людям, а только напоминал о ней, причем делал это наиболее святотатственным образом. Говорить на «ты» с Ним, о ком даже думать нельзя? Лучше, конечно, на Вы. Но это только на первое время.

Есть здесь и напиток богов, амброзия, нектар или огуречный рассол – кому как приятнее. Но это действительно напиток богов, он происходит из бездонности, но, как известно, для нашего человека понятия бездонности не существует. Наш человек сам бездонен. Наш человек – хозяин пространства.

Рассказ «Скажите «Раз!»» снова поднимает вопросы, так или иначе связанные с религией, теперь уже с мессией. Не будем рассуждать, был ли Черный настоящим мессией, или не был настоящим мессией. Дело даже и не в этом. А дело в том, что хотят от него люди, видя в нем мессию. А хотят они одного и того же – чтобы он сказал: «Скажите Раз!» – и на этом весь сказ. Людям не нужен настоящий мессия, им нужен только человек, который просто поведет их за собой, скажет «раз!», посвятит их во что-то, пусть даже в какую-нибудь дианетику, рерихиаду или толстизм – это совсем не важно. И не важно совершенно, что хочет этот самый мессия.

Все это, разумеется, написано незабываемым языком Покровского, который иногда кажется грамматически неправильным, но от этого не менее теплым.

Отрадно думать, что такие авторы как Владимир Покровский еще нужны, но нужны они уже все меньшему количеству читателей. Его читатель вымирает. Теперь он стал совсем уж элитарным, почти кастовым, где третий – лишний. По заявлению одного торговца на книжном рынке Москвы, купившего книгу только для себя, и отказавшегося взять еще пару экземпляров для продажи, в Москве остался только один читатель Покровского, то есть этот самый торговец. Но на самом деле в Москве таких читателей не меньше десятка. Просто они не знают друг о друге. Вот это-то и обидно.

Пол Макоули «Дитя Реки» – Москва. АСТ. 2001. 383 стр. («Новые Координаты Чудес» Серия «Хроники Вселенной») 10 т.э. (п.)

Появление героя должно быть эффектным и запоминающимся. Главный герой книги британского фантаста избрал для себя пусть и не оригинальный, зато не единожды проверенный практикой способ. Действительно, мало что может произвести больший эффект, нежели герой, восстающий из речных, морских, океанских глубин/просторов. Примером, подтверждающим эту традицию может послужить несомненно героический меч Эскалбур или хотя бы отечественный дядька Черномор с его ватагой добрых молодцев сомнительных устоев. Впрочем, справедливости ради нужно вспомнить, что иногда к этому способу прибегают и героини, зачастую стремящиеся скрыть свое появление из пены. К тому же схожие мотивы использовались и в библейских историях. И есть все основания предполагать, что возникающие при этом аллюзии и ассоциации являются неслучайными совпадениями, за которые автор несет полную ответственность. По всей строгости жанра.

Герой книги, Йамаманам (и просто Йама для друзей) – в начале просто один из персонажей, быстро достигающей статуса главного действующего лица, несет на себе несомненную печать мессианства. Как и положено, единственной миссией, достойной уважающего себя мессии, оказывается спасение человечества.

На сей раз человечеству, состоящему из многих рас, обитающих на искусственно созданной планете угрожает сразу несколько опасностей. Среди таковых и разгорающаяся война с Еретиками, и загадки цивилизации Древних, сотворивших мир Слияния (право слово, если бы могущественных древних цивилизаций не существовало, их следовало бы выдумать), и многое другое, что образует бурлящий водоворот событий, вращающийся вокруг принесенными речными водами найденных, наделенного необыкновенными способностями.

При прочтении книги вспоминается множество фантастических произведений: от цикла о Мире Реки Филипа Фармера (по причинам очевидным) до романов Дэна Симмонса. Но, пожалуй, наибольшее сходство роман Макоули обнаруживает с сериалом о Мире Нового Солнца Джина Вулфа. Объединяют их весьма схожие фабулы произведений, в которых прослеживаются детство, отрочество, юность и дальнейший жизненный путь персонажей, отмеченный высокими предназначениями и добрыми предзнаменованиями. А также их (героев) мессианский характер.

Похоже и обстановка, в которой разворачивается действие обоих сериалов: распадающийся мир, в котором с эклетичной небрежностью перемешались элементы и атрибуты, присущие различным временам и нравам – с той лишь разницей, что если под Новым

Солнцем бал правит магия, то на берегах Реки главенствующая роль принадлежит технологии. Впрочем, памятуя о том, что на определенном уровне развития технология неотличима от волшебства, этими различиями можно и пренебречь.

И обратить внимание на другие. Например, на то что, как ни странно, проза британца Макоули оказывается более простой и энергичной, чем художественно изощренный слог живущего в Америке Джина Вулфа. И только стилистическими характеристиками различия не исчерпываются. Куда важнее задачи, которые стоят перед героями, и способы, которыми они добиваются их решения. Если персонаж Вулфа подчеркнута рефлексивен, то Йама более деятелен в своих поисках.

Впрочем, он не ищет ни несуществующего счастья, ни существующего покоя. По сути, единственный волнующий его – и автора – вопрос: вопрос о свободе воли и возможности человека самому определять свою судьбу. Хозяин ли человек своей жизни? Или он обречен механически реагировать на внешние раздражители, представляющие в облике событий, поступков и явлений (точка зрения, выразившаяся для объективного мира в детерминизме и для мира субъективного в бихевиоризм)?

Замысел писателя, поместившего героя в мир, которым управляют машины, и наделившего его при этом способностью управлять машинами, казалось бы выдает читателю со всей очевидностью и прямотой на чьей стороне находится автор. Однако совы – не то, чем кажутся.

Каждый раз, когда герой реализует свои способности, он оказывается вынужденным к этому сложившейся ситуацией, которая просто не оставляет ему другого выхода. А значит, вопрос остается открытым..

Сложившаяся в книгоиздании ситуация не оставляет автору другого выхода, кроме как предложить нам разгадку в одной из последующих книг сериала. А значит...

Алексей Шведов

Роберт Уилсон «И обрушилась стена». Пер. И.Митрофанова. М. Janus Books. 1998. 160 стр. 10 т.э.

Соратник и последователь Тимоти Лири, один из наиболее объективных исследователей реальности Роберт Антон Уилсон, известный в России прежде всего как автор культовых "Квантовой психологии" <http://ndolya.boom.ru/prometheus/rawkp.html> и «Психологии эволюции» <http://ndolya.boom.ru/prometheus/index.html> (и уже во вторую очередь как хороший фантаст), на этот раз облёк свои идеи в форму киносценария. Это вам не Станислав Гроф, здесь мы имеем дело с добротной литературой, где и форма, и содержание сосуществуют друг с другом очень гармонично. В своём "классическом" ироничном стиле автор издевается над модным в последнее время ченнелингом (контактерством), консервативными учёными и прочими "секретными материалами". Главный герой, профессор Майкл Эллис, почётный член "Ассоциации учёных-скептиков", сталкивается с воистину необъяснимыми явлениями, постичь которые рациональным умом просто невозможно.

Психиатры, секретные агенты, инопланетяне, галлюциногенные грибы, свободная любовь, секретные эксперименты русских – всё это обрушивается на его сознание, вовлекая в эзотерический танец, выйти из которого уже невозможно. Кроме непосредственно сценария, в книге наличествуют абсолютно идиотские аннотация и сорокастраничное предисловие, из которых может создаться впечатление, что перед нами обычная книга о ченнелинге, причём, не художественная, однако послесловие самого Уилсона (и его текст) ставят всё на своём месте. Продаётся этот шедевр (и четыре другие книги автора) исключительно в точках, торгующих разной эзотерической литературой.

Рассказ Роберта Уилсона «Часы Сальвадора Дали» можно прочитать в великолепном посткиберпанковском сборнике «Диско-2000» (<http://www.mitin.com/tough/disco.shtml>).

Юрий Флейшман
ищет статьи, интервью, фрагменты произведений
Аркадия и Бориса Стругацких,
опубликованные в региональной и малотиражной прессе.
Ludeny@pbpl.spb.ru
192071, Санкт-Петербург-71, а/я 181

Владимир Ларионов

Эволюции «Планеты обезьян»

Два фильма и одна книга

В 1968 году, когда ещё вовсю полыхала «холодная война» между СССР и США, на экраны вышел фильм режиссёра Франклина Дж. Шаффнера «Планета обезьян», снятый, как откровенная и едкая пародия на тоталитарный строй (вспомним хотя бы эпизод, в котором трибунал-тройка, состоящий из орангутангов, судит человека). В основу фильма положен одноименный фантастический роман французского писателя Пьера Буля, опубликованный в 1963 году. На русском языке книга вышла в 1967 году, в 13-м томе знаменитой «Библиотеки современной фантастики» с обширным, идеологически выдержанным в духе времён позднего коммунизма, предисловием Э.Араб-Оглы. В романе космический катер с земным экипажем попадает на далёкую планету Сорора в системе звезды Бетельгейзе. Земляне находят там совершенно деградировавшее бессловесное человечество и всеёму цивилизованных обезьян. Устроив своеобразную рокировку людей и приматов на предназначенных им эволюцией ступенях развития, писатель создал полный иронии сатирический памфлет, обличающий косность и застой. Стараясь перенести роман на экран без потерь, Шаффнер, человек очень левых взглядов, хотел снять фильм-предупреждение – антиутопию и философскую притчу одновременно. Надо сказать, это ему почти удалось. Картина получилась несколько занудно-нравоучительной, но имела по тем временам значительный успех, заняв седьмое место в десятке самых кассовых лент 1968 года, и, наряду с вышедшим в том же году культовым фильмом Стэнли Кубрика «2001: Космическая одиссея», оказала серьёзное влияние на развитие кинофантастики последующих десятилетий. Вслед за первым фильмом последовало несколько менее удачных продолжений: «Под Планетой обезьян» (1970), «Бегство с Планеты обезьян» (1971), «Покорение Планеты обезьян» (1972), «Битва за Планету обезьян» (1973). В 1974 году по мотивам киноэпопеи создан телесериал, годом позже – многосерийный мультфильм. И вот, в 2001 году – новейшая экранизация.

От непредсказуемого Тима Бёртона («Битлджус», «Бэтмэн», «Бэтмэн возвращается», «Эдвард – руки ножницы», «Эд Вуд», «Марс атакует!», «Сонная лошадина») я ожидал большего, но режиссёр, не мудрствуя лукаво, на этот раз сделал откровенно коммерческое кино, не имеющее подтекста, не требующее от зрителя даже минимальных умственных усилий. Астронавт Лео Дэвидсон (Марк Уолберг) с космической станции «Оберон», спасая подопытную обезьяну, провали-

вается в чёрную дыру и попадает в далёкое будущее на планету, населённую разумными человекообразными обезьянами и полудикими людьми. Люди находятся на положении рабов, Дэвидсон, естественно, немедленно организует среди них освободительное восстание против мохнатых угнетателей. Всё.

Бёртон отказался от компьютерной графики, отдав предпочтение старому, испытанному методу театральных и кинематографических перевоплощений. Чтобы сделать из человека обезьяну, несколько десятков гримёров под руководством опытного художника Рика Бэйкера, обладателя шести «Оскаров», тратили ежедневно по три-четыре часа на каждый персонаж. Кстати, и Джон Чемберс, создававший грим для «Планеты обезьян» 1968 года, был в своё время тоже отмечен специальным «Оскаром». Для обучения актёров повадкам обезьян, их походке и манере поведения был нанят специалист по этим животным – цирковой дрессировщик. Конечный результат его работы убедительно доказывает, что люди очень легко поддаются дрессировке, не даром сказано: человек – это обезьяна Бога. Благодаря усилиям профессионалов и замечательной игре исполнителей обезьянних ролей, которые, как мне кажется, извлекли откуда-то из недр своей генетической памяти необходимые воспоминания и навыки, приматы в фильме получились отменно правдоподобными, у каждого – запоминающаяся физиономия и очень индивидуальная мимика и жесты. Впечатляет Тим Рот в роли отъявленного злодея генерала Тэйда. Зрители, видевшие его ночного портье в фильме Тарантино «Четыре комнаты», наверняка опознают актёра по невероятным ужимкам даже под маской шимпанзе. Занимательный факт: в роли умирающего отца коварного Тэйда снялся престарелый актёр Чарлтон Хестон – тот самый, что исполнял главную роль астронавта в первой «Планете обезьян». Появляется на несколько секунд на экране в роли пленницы и Нова из старого фильма (Линда Харрисон). Внушительен чёрный великан Майкл Кларк Данкан в облике гориллы-воина Аттара. Помните его в роли огромного негра-смертника в фильме «Зелёная миля» по роману Стивена Кинга? С его ростом и внешними данными грим почти не нужен. Слепительно хороша собой фотомодель Эстелла Уоррен, играющая девушку Дазну из лесного племени людей. Прежде чем стать моделью и начать кинокарьеру, Уоррен выступала в национальной сборной Канады по синхронному плаванию. По непонятным соображениям режиссёра, красotka мается где-то на втором плане, ей

так не удаётся толком продемонстрировать нам с экрана свои прелести. Сказать что-то хорошее об исполнителе главной роли Марке Уолберге («Ночи в стиле бути», «Идеальный шторм») затрудняюсь – скучная, абсолютно безэмоциональная игра актёра и его постоянно напряжённое лицо удручают и разочаровывают зрителя. Ближе к финалу отношения основных персонажей складываются в некое подобие любовного треугольника: страдающая от невнимания главного героя Дазна, суровый астронавт Дэвидсон и интеллигентная молодая шимпанзе Ари. Слава богу, дальше поцелуя у Дэвидсона и Ари дело не заходит, а то в Интернете ходили слухи, что Бёртон планирует горячую сексуальную сцену между ними (запротестовало возмущённое руководство киностудии). В роли обезьяны Ари, просвещённой поборницы человеческих прав – англичанка Хелена Бонэм-Картер. Актриса, привычное амплуа которой – роли утончённых аристократок («Крылья голубки», «Комната с видом», «Леди Джейн»), не узнаваема в бесформенном одеянии под килограммами грима. И как она только согласилась на эту роль? Уж лучше бы туповатого Уолберга так безжалостно закамуфлировали, чем симпатичную леди Хелену ☺.

В фильме Бёртона есть одно нововведение – в нём, в отличие от классической версии и книги Буля, дикие люди умеют разговаривать, но речевым аппаратом почти не пользуются. Немногословный астронавт Дэвидсон в этом отношении от них тоже не далеко ушёл, Цицероном его явно не назовёшь. Зато приматы не только разговаривают, но и кричат, вопят, рычат, визжат. А ещё – высоко прыгают, бегают на своих четырёх, ездят на лошадях, пользуются дезодорантами и вставными челюстями. Короче, вы меня поняли: вся прелесть фильма – в обезьянах, на создание этих образов (хочется сказать, этих образов) ушла вся творческая энергия режиссёра, на остальное – сил уже не хватило. Кстати, раздражающая многих зрителей и кинокритиков, на первый взгляд, абсолютно нелогичная концовка ленты, говорит о том, что режиссёр всё-таки знаком с первоисточником – романом «Планета обезьян». Когда Дэвидсону чудом удаётся вернуться на родную Землю, его встречают агрессивные гориллы в полицейской форме. Господство приматов в мире, откуда он только что при-

был, ещё можно объяснить (космическая станция, на которой проводились эксперименты над обезьянами, потерпела крушение, подопытные разбежались и стали предками будущих хозяев планеты), но откуда взялись разумные обезьяны на Земле? Главный герой книги, которого зовут Улисс, в конце романа тоже возвращается на Землю (да не в одиночку, как в последней экранизации, а целой семьёй – вместе с симпатичной туземкой Новой и сыном). Ухитрившись приземлиться прямо в аэропорту Орли и, видя, что его встречает офицер-горилла, Улисс спешно стартует, предпочитая надоевшему и опасному обезьянному обществу космические скитания. Говорят, Бёртон долго думал, чем завершить фильм (было аж четыре возможных версии финала), но предпочёл остановиться на более близком к первоисточнику варианте.

Я, много лет назад прочитавший роман Буля, а позднее посмотревший его первое переложение для экрана, новейшую экранизацию книги воспринимаю, как своеобразное дополнение к давним впечатлениям, не имеющее самостоятельного значения.

Тим Бёртон, оставаясь непревзойдённым мастером визуальных изысков, в новой «Планете обезьян» совершенно не проявил себя как режиссёр с индивидуальным видением мира, которого мы знали по предыдущим лентам. Специалисты по спецэффектам, гримёры и костюмеры поработали на славу (бюджет картины составляет 100 миллионов долларов!), увлекает динамичность и напряжённость сюжета, но фильм не завораживает. Не хватает глубины, философского подтекста, изюминки, самой малости игры ума, да просто юмора, наконец! Пересмотрев недавно старый фильм Шаффнера, я с удовольствием убедился, что классическая лента не так уж и устарела. К сожалению, в наши дни, когда на горизонте маячит вполне реальная угроза ядерного терроризма, снова более чем актуален её трагический финал, когда астронавт, освободившийся из обезьяннего плена, находит на океаническом побережье полупогребённую под многометровым слоем песка статую Свободы и, с ужасом сообразив, что Планета обезьян – это и есть Земля, посылает отчаянные проклятья своим безумным «предкам-потомкам», навсегда уничтожившим его мир.

Автокатастрофа

Джеймс Баллард «Автокатастрофа». Роман. Перевод
Е.Мирошниченко. – Киев. Ника-Центр. Серия «700».

Дэвид Кронненберг «Автокатастрофа»

Роман англичанина Джеймса Балларда «Автокатастрофа» когда-то был воспринят ни много, ни мало как сенсация. И сенсация это была со знаком минус. Читатели морщились и говорили хором презрительное «фи». Но так бывает часто. Так было с «Улиссом» Джойса, с «Голым завтраком» Берроуза, так стало и с «Автокатастрофой» Балларда. Интересно провести параллель: «Улисс» был олицетворением мерзости, пошлости и порнографии в 20-х годов, «Голый завтрак» – в 40-50-х, а «Автокатастрофа» – 70-х. Своеобразная трилогия получается. Преемственность налицо. Но нельзя и не заметить некоего прогресса, наметившегося в общественном сознании. Или, возможно, регресса, уж с какой стороны посмотреть. С одной стороны это исчезновение глупых предрассудков общечеловечности, расширение ее понятий о дозволенном в искусстве в целом, да и в жизни в частности, своеобразная революция в умах, как психоделическая, так и сексуальная, а в результате культурная. С другой стороны это можно назвать инфляционными процессами в общественном сознании. То, что называется порнографией в 20-е годы, уже в 30-е вызывает лишь зазорную улыбку. Женские купальники на протяжении столетия сокращались от практически комбинезона, закрывающего почти все тело, до двух тоненьких полосок ткани, верхняя из которых сейчас имеет тенденцию к полному исчезновению. С этим исчезновением приходит не только свобода и развязность, вседозволенность, с этим что-то и уходит, а именно – тайна, таинственность, романтика в конце концов. Возьмите «Науку любви» Овидия. В то время достаточно интимным казалось всего лишь лицезрение голых девичьей лодыжки, колени же вообще вводили в экстаз. В викторианской Англии даже такие «ужасы» приобрели еще более запретный характер. Сейчас совершенно молоденькие девушки носят юбки длиной в 15 сантиметров, и это воспринимается вполне обыденно. При экстраполяции этой тенденции мы увидим картину, которую живописует в своих произведениях Алексей Шведов – молоденькие девушки носят уже только обувь и чулки, остальное выставляется на всеобщее обозрение. Но в этом уже нет ничего предсудительного, так как это становится обыденным. Также как с техникой: взять уличных мальчишек начала века, гонявшихся за каждым проезжающим автомобилем, и взять современных уличных мальчишек, экипированных аудио-, сиди- и mp3-плеерами. Что способно завлечь их так, как завлекали когда-то проезжающие автомобили или же голая коленка, случайно выскочившая из-под подола? К чему ведет подобная литература? – спросит

некто, обеспокоенный моральными устоями современного общества? Неужели же можно тогда допускать такие произведения? Разумеется, можно. Ибо он не ускоряют данный процесс, а всего лишь фиксируют современное состояние морали и моральных норм. Это своеобразное бессознательное нашей морали, оно выходит тогда, когда это еще стесняется сказать в открытую, но в реальности уже существует. Но, как известно, комплексы и всевозможные фобии, если их держать взаперти человеческого сознания, лишь усугубляются. Это почти идентично исповеди. Автор выговаривает, очищаясь при этом и очищая тем самым всех читателей.

Недаром же в романе главного героя зовут не иначе как Джеймс Баллард. Он полностью отождествлен с автором, но только в известной степени, так как это не автобиографическое произведение в полной мере. Оно очень коллажно, составными частями которого являются картины автокатастроф, искореженного металла и человеческих тел, мертвых и живых, испытывающих боль и сексуальный экстаз. В этом своя сексуальность, своя стилистика. Кожа и металл – два самых часто наблюдаемых элемента антуража. Автомобили, рассекающие на больших скоростях, дергающиеся тела, внезапный удар...

Не рекомендуется лицам с устаревшими взглядами на моральные нормы.

Книга была написана в 1973 году, а в 1996 известный режиссер Дэвид Кронненберг снял одноименный фильм, возможно, самый лучший и удачный свой фильм. Честно говоря, сложно представить другого режиссера, взявшегося за эту книгу. Здесь есть все, что интересует этого режиссера и в то же время отличает его от других. Кронненберг всегда акцентирует внимание на телесности, чаще всего не той, которая вызывает неадекватные реакции, то есть она не совсем нормальная, на сексуальности этой телесности. В фильме «Голый завтрак» режиссеру пришлось додумать живые пишущие машинки, чтобы достичь этой телесности. В «Автокатастрофе» ничего додумывать не надо. К человеческой коже, покрытой шрамами и закрытой кожей и ортопедическими скелетами, добавляется искореженная кожа автомобилей. Но этот фильм смотрится намного органичнее всех других, возможно из-за своей реалистичности, такая телесность воспринимается буквально, она ближе. Возможно, здесь играет роль и гениально подобранное звуковое сопровождение, имитирующее металлические звуки. Кстати фильм получил специальный приз Каннского фестиваля.

А фильм ведь намного мягче книги, тем не менее на кассете с ним стоит не просто

надпись «Лицам до 18», а красная «Строгие возрастные ограничения». Это не тот фильм, который «до 18» нельзя, но если очень хочется, то конечно можно. А что бы было с фильмом, если бы он был снят ближе к роману? Был бы он похож на сборники Dead alive? Его бы просто не выпустили в прокат. Вот то противоречие в моральных нормах. Все реально существует в жизни, но в искусстве пока нельзя, поэтому подвергается гонениям. То, что уже можно писать, еще нельзя показывать. Особенно в кинотеатрах. Особенно заметно это в самой строгой дер-

жаве нашего мира – США. Захавшаяся Европа уже терпит, даже способствует вполне открыто, США же способствуя не меньше, налаживает официальные запреты. Но ведь и «Голый завтрак» когда-то был запрещен. А этот фильм все же не запретили.

А ведь книга, да и фильм – это не просто демонстрация «похабщины», это своеобразная метафора механизации современного мира, смещения представлений человека об орудиях труда, как сказал бы возможно культовый бородач.

Блиц-интервью

с Евгением Витковским

Краткая справка с сайта <http://www.pismena.f2s.com/wit.html>:

Евгений Витковский (р.1950) как прозаик стал работать с 1980 года, но смог опубликовать первый роман «Павел II» (в трех томах) – только в 2000 году (Фолио, Харьков - АСТ, Москва, серия «Настоящее»).

Годом позже, в той же серии вышел роман «Земля Святого Витта» – своеобразный мостик от первой трилогии ко второму многотомному роману «Кавель», первая часть которого – «Чертовар» – появится на прилавках не раньше лета 2002 года.

Автор просит куда его не относить – ни к мейнстриму, ни к фантастике, ни, упаси Господи, к литературе «параллельной истории».

Автор свой жанр определил твердо – РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ.

На просьбу разъяснить такую мудреную самоклассификацию, автор написал следующее: «я работаю в жанре "зимней сказки", бесконечной истории. Раньше конца первого, лучше второго тома мало кто врубается».

В.: Было бы интересно услышать Ваше мнение о литературе – и, в частности, о фантастике. Ведь, как мне кажется, роман «Павел II» все равно формально к альтернативной истории относится.

О.: Лучшие русские писатели сейчас чуть не поголовно фантасты: Лукин, Веллер, Пелевин, Еськов, Курков. Даже Искандер, хотя он из другого поколения. И разницы между мейнстримом и фантастикой почти не вижу. Едва ли я пишу "альтернативную историю". Я скорей пытаюсь повлиять на ту, которая в натуре.

В.: Читали ли Вы какие-нибудь произведения в жанре альтернативной истории? Что в них понравилось/не понравилось?

О.: Лучшая "альтернативная история" до сего дня – Оруэлл, Борхес («Тлен, Укбар &»), Сигизмунд Кржижановский («Воспоминание о будущем», «Неукушенный локоть» и т.д.). Очень много – "т.д." Из писателей-фантастов за последние 10–15 лет лучший – Дэн Симмонс со своей тетралогией, в которой человеку, не читавшему насквозь всего Китса, понять половины нельзя. А я и переводчик Китса, и нынче уже в который раз его издатель, так что Симмонс – чистый мейнстрим. Хотя какие-нибудь Глен Кук или Тим Пауэрс сердцу ничуть не менее дороги,

хотя у первого сорок с лишним книг, у второго – две всего, и по-английски тоже больше не нашел.

Не нравится мне с 1975 года сошедшая с ума (некогда любимая) Урсула Ле Гуин. Это трагедия, а ведь когда-то были бессмертные книги («Роканнон», «Левая рука тьмы»). Не нравятся беспорочные перерожденцы из советских фантастов в постсоветские (несть им числа). "Мэри Шелли" тоже не нравятся – Стругацкие для бедных.

В.: В книге «Павел II» помещены отзывы на роман из иностранных изданий – он действительно и раньше выходил, или это тоже элемент антуража произведения?

О.: Из трех десятков рецензий, которые были на трехтомник, лучшая напечатана в Израиле – Михаил Юдсон, «Страсти по Евгению» (взята из иерусалимского журнала "22" – № 119). Отзывы, помещенные в первом томе «Павла», – это ведь отзывы литературных героев, – понятно, липовые. Но на западе я печатался, как по-русски, так и переводах – однако подлинные отзывы веют смертной скукой. Зато ГОРОСКОП героя писал не я: это Евгений Колесов, очень знаменитый астролог Net Monster.

Вопросы задавал С.Соболев.

Ещё одно зеркало эпохи,

или

Фантаст не может без вранья?

Александр Казанцев, Никита Казанцев. «Фантаст». Мнемонический роман в двух книгах. – М. «Современник». 2001. Тир. 5 т.э.

Кн. 1.: «Через бури», 480 стр. ISBN-5-270-01303-7

Кн. 2.: «Мертвая зыбь», 576 стр. ISBN-5-270-01304-5

Вслед за Стивеном Кингом и Киром Булычевым (см. книги «Как писать книги» и «Как стать фантастом», изданные в 2001 году) о своей нелегкой жизни поспешил поведать один из старейших писателей-фантастов планеты Александр Казанцев.

Литературная обработка воспоминаний за престарелыми старшими родственниками – вещь часто встречающаяся и давно практикуемая, но, по здравому размышлению, наличие соавтора не-соучастника событий предполагает либо вести повествование от второго-третьего лица, либо выводить «литсекретаря» с титульного листа за скобки. Отец и сын Казанцевы пошли другим путем – простым росчерком пера поменяли персонажу фамилию.

Так что, перефразируя классика, «читаем про Званцева – подразумеваем Казанцева».

Это отнюдь не мелкое обстоятельство позволило соавторам абстрагироваться от Казанцева реального и более выгодно представить образ Званцева виртуального: самоучку-изобретателя без крепкого технического образования и ловеласа и крепкого семьянина в одном лице. Казанцев обожает плодотворно оксюмороны: то ли он недопонимает семантические несуразницы словесных конструкций типа «Клокочущая пустота» (название одной из последних его книг), то ли сама его жизнь доказала, что можно-таки совмещать несовместимое как в литературе, так и в жизни.

Несколько разных жизней Казанцева предстают перед читателем.

Безоблачное детство у папы за пазухой, когда любящий отец легко пони из Шотландии выписывает своим чадам, а жене – собаку из Швейцарии. Помните, как Фаина Раневская начала свою биографию? «Я – дочь небогатого нефтепромышленника...» Доживи Фаина Георгиевна, как Казанцев, до наших дней, прочитали бы мы еще одну петлистую историю о метаморфозах богатых и именитых при советской власти. Не долго музыка играла. Революция 1917, чешский мятеж 18-го... Папашу Званцева мобилизовали в армию Колчака, семья свернула дела и, в конечном итоге, осталась на сухарях – даже фамильные драго-

ценности недолго помогали, потому что кончились быстро. А дальше самим, самим работать пришлось, постигать науку и технику.

Первая книга мнемонического романа почти целиком посвящена описанию героических способностей преодоления тягот жизни сына купца-миллионера при советской власти: и из Томского технологического института выгоняли по классовому признаку, и на заводе за любую ошибку или чужое разгильдяйство спешили собак повесить именно на Казанцева, а зимой, за сильные морозы, – так чуть было даже не посадили.

[Интересны метаморфозы А.Казанцева – если в студенческие годы на его персоне не-пролетарского происхождения пристально останавливали взор оперуполномоченные разного пошиба, то в седой старости уже сам А.П. не брезгает писать разгромные рецензии на рукописи, обвиняя молодых фантастов в антисоветчине. Отрабатывал свой хлеб? Боролся с конкурентами? Нет ответа...]

После института Казанцев с молодой женой на тот самый злополучный завод и уезжает (где его, еще практиканта, чуть не обвинили во вредительстве), да только неустрашенный быт надоедает супруге, и она пилит и пилит его, двуручной пилой вместе с тещей.

Застебался Казанцев вечно крутиться как белка в колесе, и рванул-таки в Москву. К самому Тухачевскому пробрался, действующий макет электрической пушки показал. Маршал уши поразвесил, размечтался о грядущих победах, да и назначил Казанцева командовать экспериментальной лабораторией и создавать большую электропушку, практическая бессмысленность коей была в течении одного дня доказана консультантом-артиллеристом. Это маленькое обстоятельство не помешало сибирскому изобретателю целый год корпеть над своим детищем – за некий оклад в одну тысячу рублей (при том, что доктор наук в аналогичной лаборатории «на гражданке» получал четыре сотни рэ).

Следующий любопытный сюжет относится к Великой Отечественной. Перед мобилизацией Казанцев «на всякий случай» переправил водительские права на свое имя, но они почти и не понадобились: вскорости после призыва

уже стал командовать рембазой автомобилей, причем исключительно для удобства снабжения перебазировал ее от Серпухова – в Перловку на Ярославское шоссе, поближе к собственной даче. После изобретения электротанкеток (управляемых сухопутных торпед для подрыва танков и дотов) Казанцев получает заказ на изготовление десятка торпед, одна из которых, ни много ни мало, помогла прорвать блокаду Ленинграда.

Никак не понятно, например, как Александр Петрович в течении десятилетий удерживал самозванный титул классика советской научной фантастики, нигде не упоминается о личной причастности к гонениям на молодых авторов, и лишь вскользь упоминается о сотрудничестве с КГБ.

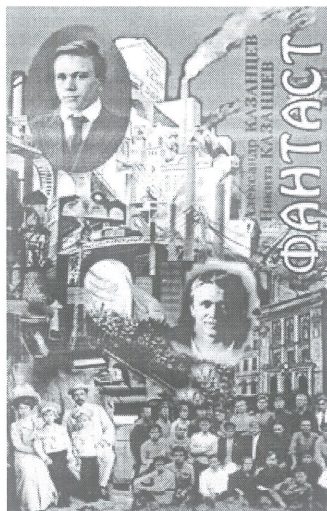
Кое-что, конечно, проскальзывает. Например, каждому высокопоставленному функционеру, что-то значившему для Казанцева, он стремился подарить свою первую книжку «Пылающий остров», с неперменной самохвалёбной ремарочкой типа «В газете французских коммунистов «Юманите» уже перевод сделали...». Сам себя не похвалишь – никто бюста на родине не поставит.

Совершенно авантюристски выглядит работа Казанцева в качестве уполномоченного ГКО (Государственного Комитета Оборона) на заводах Германа Геринга в Штирии – в течении нескольких послевоенных месяцев раскурочивал оборудование и отправлял в СССР для восстановления разрушенных немцами предприятий, пугал австрийцев расстрелами и даже участвовал в пленении корпуса генерала Шкуро и казаков атамана Краснова, сражавшихся на стороне вермахта, но отказавшихся капитулировать. Англичанам в падлу было кормить шестьдесят тысяч русских, вот и сдали их как стеклотару Красной Армии.

По возвращении в Союз Казанцева вызвали в Органы для дознания на пример выяснения количества награбленного за время командировки. Велико же было изумление следователя, когда выяснилось, что Казанцев ничегошеньки себе из драгоценностей не привез.

Просто Казанцев, пройдя мытарства гражданской войны, уже знал, что злато и бриллики не являются безусловным гарантом благополучия и уж тем более не спасают от ножа или пули. Чтобы выжить, хитрую голову на плечах надо иметь. (Умиляет, например, история о том, как Казанцев после войны лет десять везде «совершенно случайно» таскал с собой военный пропуск на автомобиль «с правом проезда полковника Званцева А.П. через все КП без предъявления документов»).

Первый секретарь правления Союза Писателей, Александр Александрович Фадеев, на-

ставлял немолодого, прошедшего войну, но выпустившего пока еще только одну-единственную книжку, Александра Казанцева: «Хочу только, чтобы твое инженерное начало не кастрировало тебя и герои твои не только «били во что-то железное», но и любили, страдали, знали и горе, и радость, словом – были живыми людьми» (II, 15). Не выполнил Казанцев наказ старшего товарища по перу, и каждая новая книжка выходила у него все муторнее и многословней, живых людей заменяли картонные дурилки, воплощавшие в жизнь техни-

ческие идеи в духе Манилова (будь то подводный мост из США в СССР или строительство академгородка где-нибудь подо льдом). Зато с идеологической точки зрения подкапаться было невозможно: строительство всегда начинал миролюбивый Советский Союз, а злобные ястребы с Запада кидали подлянки. Если же в книге не планировалось строительства

очередного мегаломанского сооружения, то хорошие советские ученые с крепкими руками рубили в капусту на шахматной доске диверсантов из выдуманной страны Сшландии (романы типа «Льды возвращаются»).

Жизнь, тем более девяностопятилетнюю, пересказывать подробно не имеет смысла. Приключения тем и интересны, что происходят не каждый день. Как беллетрист, Казанцев и не стремился четко описать год за годом свою жизнь. Выхватывая самые значимые, самые запомнившиеся события, мемуарист выкидывает серые и скучные фрагменты, чтобы оставшиеся части картины заиграли ярче. Зияющие лакуны в повествовании при этом смущают только читателя, но никак не самовлюбленного автора: «Я бесценная личность. Я прошел все виды аварий: железнодорожную катастрофу в детстве, морскую, когда из Керченского пролива вплавь выбираться пришлось, в автомобильной аварии в Штирии еле жив остался, ну и авиакатастрофа с АНТ-25 в 1931 году» (II, 17). Если в довоенной биографии все относительно четко и структурировано, и даже можно восстановить хронологию жизни писателя с небольшими пропусками в пару-тройку лет, то второй том мемуара представляется сплошным сумбуром, состоящим из старых фрагментов литературных записей, чужих историй и баек, «отступлений вперед» о судьбе некоторых персонажей и неперменной путаницей в рассказе. То ли автор скрыть что-то хочет, то ли и вправду вся послевоенная жизнь представляется для него в виде гомогенной «Мертвой зыби».

ТАНЦЫ КАК ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД.

Конспективная бурчалка.

Если это покупают, значит, это искусство.

Ф. Райт.

Первый залп застал меня врасплох. Я ментально отпрыгнул, придерживая шапку, затаился и начал потихоньку оценивать обстановку. Обстановка была непростая. Группа командос, поблескивая боевыми имплантами, самозабвенно создавала огненный вал по фронту, как в ширину, так и вглубь. Из-за какой-то палатки им деловито возражал пулемет, изрыгая куски не то пламени, не то плазмы. Я не стал вникать, а наоборот постарался убраться в безопасное место. Впрочем, преуспел не слишком, потому как за спиной раздался характерный гул, наводящий на мысли о, скажем, пятилопастных композитных винтах, и нас накрыло. Нелепо раскорячившись, я вознесся, пролетел некоторое расстояние по воздуху и неожиданно приземлился щеками в нечто волнующе мягкое. При ближайшем рассмотрении оказалось, что финишировал я в декольте кевларового жилета. Жилет этот находился на боевого вида, длинноногой как марсианский тренажник о двух ногах даме. Вытащив меня, она выхватила из-за спины ракетомет и с воплями начала палить в разные стороны. Притихнув под лотком, я некоторое время снизу наблюдал это действие, так сказать, в перископе. Никогда бы не подумал, что кевларовый жилет 1 категории защиты имеет разрезы в столь неожиданных местах!

Рвануло совсем рядом, и на меня совокупно с кучей грунта просыпался ошалевшего вида субъект с авоськой. Некоторое время он по-рыбьи хлопал ртом, пока количество не перешло в качество, а шипение в звуки:

- Что это происходит?????

- Ааа! Это писатели бьются за наши с тобой рубли!

НЕ ПРЯЧЬТЕ ВАШИ ДЕНЕЖКИ!

Как известно, книгоиздание - это бизнес. Бизнес же, как говорят знающие люди, подразумевает наличие прибыли. Прибыль в свою очередь зависит от читателей, существ капризных, непостоянных и вообще - знать бы чего им надо!

На разных этапах созревания читателя как класса, его заманивали на разные приманки. Одно время хорошо клевали на впечатляющие бедра (холмы, так сказать, пены) и груди кистей Бориса Вальехо. Потом на серийное оформление с номером тома на корешке - собрать всю серию было делом чести для любого книголюбца. То, что она начиналась с б-

го тома и продолжалась 23-м, значения не имело. Как и содержание тома. Потом на серийное оформление, но уже без номера. Кто видел, как хапали на оптовых рынках знаменитые желтые обложки «Северо-Запада», меня поймет.

Эх, благословенные времена!

С ростом конкуренции, менялись и способы отбора денег. Так, аннотации «АСТ» теперь заманивают громкими эпитетами - культовый роман, роман-сенсация, настоящий подарок любителям фантастики!!! «Армада», судя по всему, тихой сапой взрастила персонально под свой «Фантбоевик» особую генерацию читателей. «ЭКСМО» с большим умом использует наработки других издательств, время от времени довольно удачно разбавляя их собственными проектами. Знаменитое питерское зомби «Северо-Запад(*)» продолжает плодить похождения Конана.

А что же писатели?

Писатели тоже не отстают.

ЭШ НАЗГ, ПОНИМАЕШЬ, ДУРБАТУЛУК!

- Ты откуда такой заезженный, Буцефал?

- Империю расширяли... (Умирает).

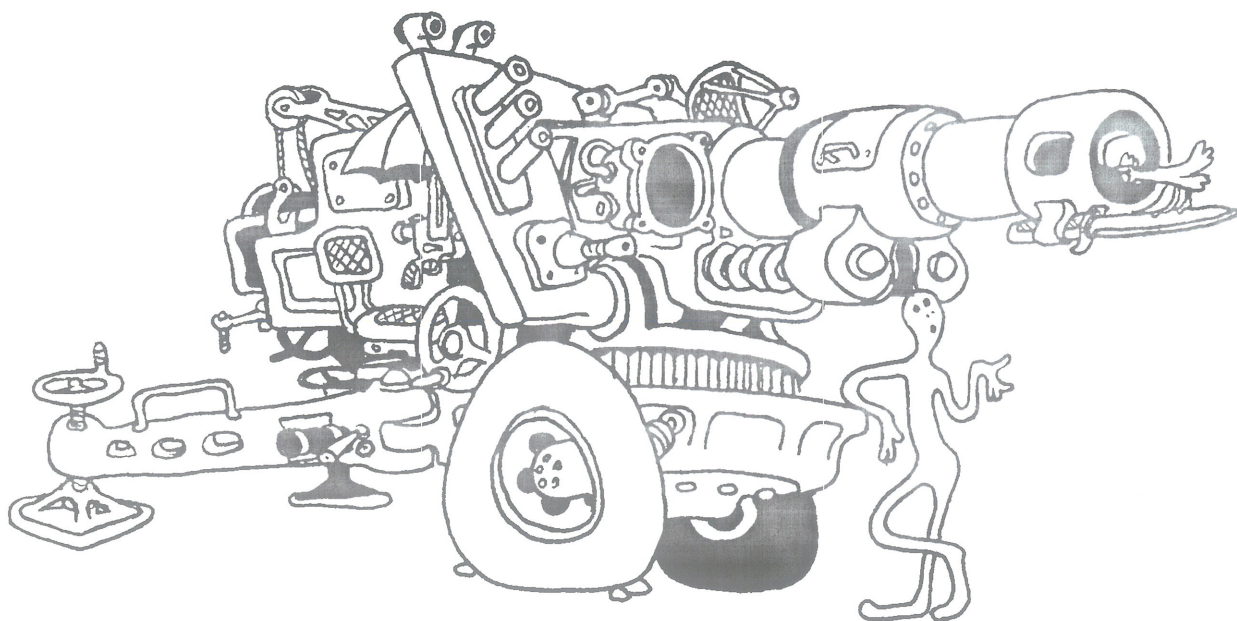
В. Шендерович.

Один из самых прибыльных приемов - это многотомная сага. Создание любого мира требует значительных затрат как сил, так и времени. Реалии же рынка заставляют писать много и быстро. Писатель вынужден экономить либо на качестве текста, либо на проработке деталей. Сага же является прекрасным компромиссом. Достаточно один раз создать запоминающегося героя, чтобы затем требуемое число раз помещать его в иные декорации.

«Сцена пятая. Те же и балкон».

На сайте новосибирского интернет-магазина «Топ-Книга» в разделе «Анонсы, Слухи, Сплетни» есть любопытное сообщение:

«Изд-во "Эксмо" в ответ на многочисленные вопросы сообщает следующее: в связи с тем, что в книге "Воин Провидения" Лотар Желтоголовый в ходе схватки с демоном Жалыном упал в колодец и погиб (попутно победив зло), то больше книг про вышеупомянутого Лотара, увы, не будет. Но не надо

печалиться. Лотар возродился в виде Тролла, о похождениях которого и повествуется в книге "Слепая атака»".

Действительно, чего же печалится? Ничего ведь не изменилось! Имена придумать новые – и можно гнать еще томов пять. Лотар – жил (далее по известному тексту).

Многотомность долгое время была прерогативой фэнтези. Сейчас же иные «научно-фантастические» сериалы могут дать фору какому-нибудь пресловутому Джордану. У Алекса Орлова цикл «ТЕНИ ВОЙНЫ» насчитывает уже, слава богу, 13 книг! Не слишком отстают от него и многие другие.

Автор экономит на времени и энергозатратах, читатель экономит на деньгах, покупая уже опробованную Вселенную.

БАТАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ МАСЛОМ.

*На излете века
Взял и ниспроверг
Злого человека
Добрый человек.*

*Из гранатомета
Шлеп его, козла!
Стало быть, добро-то
Посильнее зла.*

Е. Лукин.

Другой характерный прием, позволяющий намертво закогтить читателя – это боевик. «Мирные» книги в сегодняшней российской фантастике столь же редки, как здоровые зубы в Средние века и прочие эпохи отсутствия «Блендамеда».

Перестрелки, погони и ковровые бомбардировки являются старым, проверенным и на-

дежным способом приковать к тексту внимание читателя. Соответственно, отпадает нужда прописывать другие аспекты жизни, тем паче, это сложно, требует изрядного мастерства, знания жизни и издателя с крылышками за спиной. А так схема проста. Зеленые вероломно нападают на красных, красные все как один, зеленые применяют ужасные каскадные дефлораторы, красные сжимают зубы и засылают к ним спецотряд – человек десять. Зеленым кранты, но не до конца. Возможны, конечно, и варианты. Читайте продолжение!

Тоска!

[Удивительно, и даже местами печально, но совершенно не прижилась фантастика зрелищная. Надо полагать, что печатная продукция не выдержала соревнования с визуальными видами «искусства». Приятных очертаний женщины даже с обложек практически сгинули. Знаете, глядя на ошестившихся стреляющим железом супергероев, порой испытываешь ностальгию по мини-юбке, пусть и со встроенной ИК-станцией переднего обзора...]

Как бы то ни было, читатель получает возможность сесть в истребитель и улететь к чертовой бабушке от всей серости жизни – маленькой зарплаты, паскудной обыденности и скрипа общественного демократического механизма, шестеренкой коего он является.

Ключ на старт!

ТРАЕКТОРИЯ МЕНУЭТА

Изложенные выше приемы – это нижние ступени мастерства. Они дают приемлемый результат при минимуме усилий, подобно тряпочке на крючке, которая ждет неразборчивую рыбу. С голоду не умрешь, но много и не наловишь.

Иное дело – ловля на блесну. Давайте рассмотрим технику этого дела на примере

одного из самых значительных Мастеров последних лет – Сергея Лукьяненко.

Одним из первых он сделал свою прозу адресной, рассчитанной на определенного читателя. Более того, он рискнул и снабдил ее элементами не слишком доступными для контингента, выходящего за границы группы-мишени. Так было с «Островом Русью» с дружескими шаржами на писателей-фантастов, так было с миром Диптауна с его фидошными и прочими сетевыми атрибутами. В большинстве его книг присутствуют «интерактивные» ссылки, то на вселенную Буджолд, то на определенных деятелей фэндомы, а то и на всяческую самиздатовскую «Шелуху». Как правило, эти отсылы замаскированы не слишком глубоко, однако для «пришлого» человека они непонятны, искушенный же читатель вычисляет их довольно быстро и получает своеобразное удовольствие от развитости собственного интеллекта.

Другая сторона этой медали – четкая ориентация текста на определенный возрастной, в данном случае – подростковый уровень. Еще Спилберг заметил, что фильм пользуется успехом у тех групп, которые находят среди героев свое Альтер Эго. Поэтому во всех его «несерьезных» фильмах всегда присутствуют дети, ибо подростки – это наиболее преданные и фанатичные поклонники, кто еще сможет сходить на фильм десяток раз! Впрочем, они и наименее критичны к качеству.

Последние романы С. Лукьяненко очевидно тяготеют по исполнению к механике сказки. Если «Геном» еще кутался в плащ пародии, в чем каждый может убедиться, сложив заглавные буквы эпизода, то «Танцы» уже целиком реализованы по неосказочным мотивам. Можно ли всерьез рассматривать ситуацию, когда могучая организация направляет на планету двойных детей, без связи, без приемлемой ле-

генды, без всего собственно! Однако для сказки это довольно обыденный ход.

Мне думается, именно из-за этого тексты С. Лукьяненко, так превозносятся одними, и ругаются другими. Либо в тебе остался кусочек детства, либо нет, и тут уж ничего не поделаешь.

А МОРАЛЬ?

Конечно, мы упомянули далеко не все способы завлечения читателя. Так, за рамками осталась литературная игра, – к примеру, пресловутый Ван Зайчик, или два варианта «Гнезд химер» Макса Фрая. Эта тема заслуживает более серьезного разговора. За кадром оказались и творческие тандемы писателей, к ним мы тоже вернемся позднее.

Мне же напоследок хочется сказать вот о чем.

Литература всегда была компромиссом между рублем и мыслью. За прошедшие десять лет российская фантастика проделала весьма непростой путь. Мы, по сути, только начинаем чувствовать механизмы рыночных отношений. Мы только начинаем осознавать, что издательские гиганты подстраиваются под наши с вами интересы. Что именно читатель определяет ассортимент фантастики на рынке. И вот когда эта аксиома окончательно укрепится в мозгах тех, кто отсчитывает рубли за книгу, тогда мы будем иметь то книгоиздание, которое хотим.

От Конана до энциклопедий К्लюта, от сборников рассказов до многотомных эпосов Перумова, от Пауэрса до Нортон.

Подумайте над этим.

Ищу книги и журналы:

Михаил Первухин «Пугачев-победитель».

Книги С. Жемайтиса.

Виктор Колупаев. Пространство и время для фантаста. Философское эссе. Томск, 1994 журнал ФАНТАКРИМ-МЕГА № 1'98 (25 выпуск) и № 2'92 и другие.

Кевин Уорвик. Наступление машин. М. Наука/Интерпериодика.

Ф. Дик «Марионетки мироздания» – Н. Новгород, 1994

Ф. Дик «Нечто подобное» – СПб, Азбука, 1996

М. Козырев. Пятое путешествие Гулливера. М, Текст, 1991, серия Волшебный фонарь

Олаф Стэплдон. Последние и первые люди

Р. А. Лафферти. Сб. рассказов. Стругацкие о себе, литературе и мире. Выпуск 3. Омск.

Урбан А. А. Фантастика и наш мир. Л, СП, 1972.

К. Саймак тт. 2, 6 и 18 из с/с Поляриса

Любые книги по фантастике любого года издания любой сохранности.

Пишите: 398058, Липецк, 15 микр, 21-76, Сергей Соболев

К О Н Е Ц

\ это все что останется после меня © ю.шевчук /